

НИКОЛАЙ
ГОЛОДНОВ

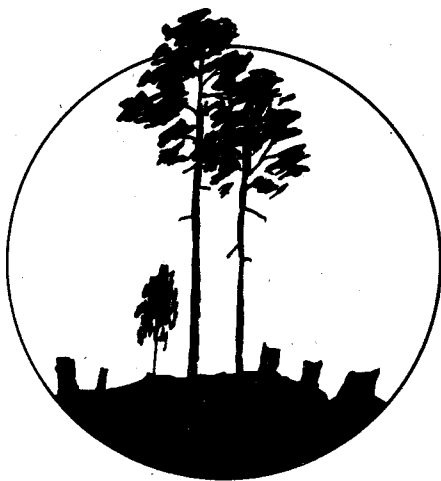

**Пядь
родной
земли**

Николай Голоднов

**Пядь
родной земли**

Ярославль
Верхне-Волжское книжное издательство
1989

79.Ол 6
Г 61

Рецензент — Д. Г. КРЫЛОВ,
кандидат биологических наук.

Голоднов Н. С.

Г 61 Пядь родной земли. — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во,
1989. — 96 с.
25 к. 3000 экз.

Н. С. Голоднов, один из старейших костромских журналистов, много труда и времени отдает природоохранной деятельности. В этой книге собраны его очерки, удостоенные премии Союза журналистов СССР, посвященные охране природы и защите памятников культуры Верхневолжья.

Г 4902010000—33
М139—(03)—89

79. Ол 0

© Верхне-Волжское книжное издательство, 1989

ISBN 5-7415-0013-7

От автора

Любить природу можно по-разному.

Можно так, как любили ее испокон веку: наблюдая восходы и закаты, слушая пение птиц, вдыхая аромат цветов, восхищаясь красками зимы, весны, лета, осени. И в меру талантливости нашей — воспевая все это. Авторам пейзажных зарисовок практически ничто не угрожает: как бы ни складывались наши отношения с природой, всегда отыщется цветущая лужайка или просто зеленая ветка, которые можно воспеть.

Есть и другая любовь. Современная. И заключается она в активной защите природы.

Времена изменились. Нынешняя техника позволяет до неузнаваемости перековать любую местность. Возможности обыкновенного, рядового человека в коренной ложке природы, просуществовавшей без заметных изменений многие века, почти безграничны. Что там былинный Микула Селянинovich, знакомый нам со школьной скамьи! Сегодняшний механизатор, не замочив сапог, пророеет тебе на болоте километровый канал любой ширины и глубины... Или, скажем, спустит воду из озера... Или повалит лес... Или, перекрыв древнюю, как мир, речушку земляной дамбой, заставит ее бежать по новому руслу. Словом, ему все по плечу.

Хорошо, однако, если это на пользу пойдет! А если — во вред? Вот и получается: сегодня любить природу — значит обе-

регать ее... от нас же самих. От нашей экологической малограмотности, а то и невежества, от высокомерного обращения с природой на «ты», от поспешных, необдуманных действий, от шаблонного подхода, от ретивого административного прожектерства.

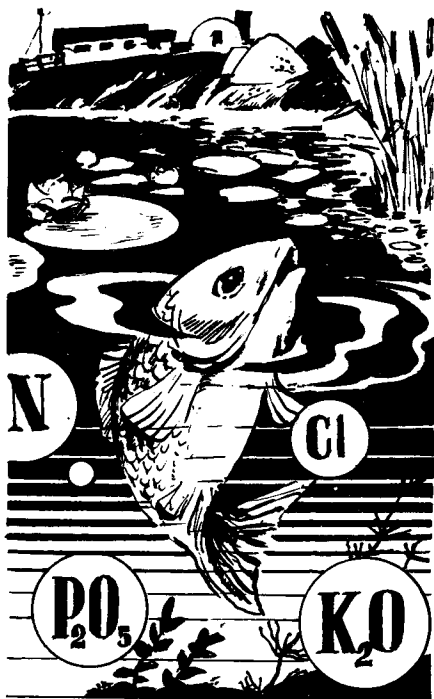
Охрана окружающей среды, бережное расходование природных ресурсов становятся, таким образом, остросоциальными вопросами. Это еще одна область современной общественной жизни, где требуется активная жизненная позиция любого из нас.

...Созерцательное любование и действенная, наступательная защита. Разница между ними, думается, примерно такая же, как между словом и делом.

Люди, о которых рассказывается здесь, не говорят высокопарно о своей любви к лесам, полям, Унже... Но, как нам кажется, все они из тех, кому неброская природа Верхневолжья действительно дорога.

Впрочем, предоставим читателю возможность иметь собственное мнение на этот счет.

Ледниковая капля

— Все едят: уникальное, уникальное... А что в нем уникального? — Молодой специалист по водоемам зашагал по кабинету. — А потом, согласитесь, это всего лишь капля...

Признаться, я усомнился в сказанном, когда увидел перед собой высокую осеннюю волну и основательные приготовления Коптевых — отца и сына. Невольно вспомнились записи из прошлого, в которых советовалось не шутить с Чухломским озером.

«1848 год. 11 мая в третьем часу пополудни появилась с юго-западной стороны большая туча, которая быстро неслась к городу, без грома и молнии, но с необыкновенным треском и шумом. Жители ожидали сильного града, но пошел необыкновенно крупный дождь, сопровождаемый порывистым вихрем, произведшим столь сильную бурю, что многие-многие дома были потрясены до основания. В продолжение бури на Чухломском озере наблюдалось невиданное до сего времени явление: вихрь поднял воду из озера и образовал смерч в виде полуколунообразной башни бледно-оранжевого цвета...

1921 год. В мае была сильная буря, после которой на поверхности озера плавала масса карасей...

1927 год. 13 сентября с утра пошел дождь... Около семнадцати часов — буря. Облако шло низко с юга, воду забирало вин-

том в столбы, некоторые из них были высотой до двух сажен. Был гром...

1958 год. 27 мая над Чухломой и озером пронесся очень сильный ураган, во время которого по озеру ходили большие волны высотой до двух и более метров, с белыми гребнями. Лодки и катер выбросило на берег...»

Взревел мотор — лодка Коптевых понеслась. Не успел оглядеться, как остались позади высокий берег с парком, улица рубленых рыбацких изб... Но — стоп, современные скорости! Этак мы всю историю промахнем за какие-то полчаса. Как нельзя при археологических раскопках копать на полную лопату, так и тут немислимо ехать с ветерком. Каждый метр берега — история.

То не камыш гнется под ударами осеннего ветра — первозданные леса стоят. То не белые валуны рассыпаны по склонам оврагов — горят костры, отпугивая хищных зверей, даря людям тепло и пищу. Первым людям на этой земле.

И встает жизнь, полная драматизма, полная ежедневной, ежечасной борьбы за существование. И велась та борьба на протяжении веков за озеро, за его богатства.

Свидетельств тому множество.

Лодка, описав полукруг, проходит под стенами бывшего Авраамиевского монастыря. Сейчас монастырь безмолвствует, но в былые времена...

Три челобитные на имя Екатерины II написал игумен Антоний: крестьяне деревень Аринино и Ножкино силой захватили у монастыря два ключа — Большой и Малый Курганы — и не отдавали их. Вот и просил Антоний «от таких озорников и наглых обидчиков... оборонить и ключи, оба Кургана, от них отобрать и отдать по-прежнему нам, именованным во владение, и чтоб оне, крестьяне, отныне и впредь во владение тех ключей не вступали, обязать их подписками, и о сем нашем челобитье решение учинить». Игумен, естественно, умолчал о том, что монастырь довел крестьян до отчаяния. За право прокопать новую канаву для рыболовства крестьяне должны были отдать монастырю треть выловленной рыбы — от пяти до двадцати пудов, платить деньгами и выставлять ежегодно осенью от 60 до 166 жнецов для уборки монастырских полей. Казначей монастыря отбирали у крестьян рыбу, привезенную для продажи в город Чухлому. Дошло до того, что святые отцы запретили мужикам косить бросовую траву по берегам озера. В архиве монастыря удалось найти отношение исправника Чухломского земского суда от 20 ноября 1841 года, в котором он сообщал игумену, что «жителям деревень, стоящих на берегу Чухломского озера, насчет кошения травы, именуемой осокою, по замерзании вышесочначенного озера, приставом 2-го стана воспрещено».

Долго бы продолжался этот грабеж среди бела дня, если бы не Октябрьская революция. Своим Декретом о земле она изъяла Чухломское озеро из монастырских владений и передала народу, крестьянам, тем самым мужикам, потомками которых являются Коптевы.

Виталий Александрович скуп на слова. Пока сын, стоя по колено в воде, возился с лодкой, он не проронил ни слова. Но вот подошел, застегнул сыну верхнюю пуговицу на бушлате — и многое стало понятно. Стали очевидными их близость, забота друг о друге, духовное родство. Так всегда у настоящих людей.

Из поколения в поколение Коптевы связаны с Чухломским озером. Началось это с прадеда, Алексея Семеновича Коптева. Он был не только заядлым рыбаком, но и прилежным наблюдателем озера. После его смерти наблюдения стал проводить сын, Александр Алексеевич Коптев. В 1941 году, когда он ушел на фронт, его сменила жена. С. А. Коптева вела наблюдения по 1957 год, а затем водомерный пост на озере перешел к ее сыну, Виталию Александровичу.

Наблюдатели водомерного поста на Чухломском озере Коптевы записывают появление заберегов, время цветения воды, начало нереста у щуки, появление трав и птенцов и т. д.

Уж кто-кто, а они ведают, что происходит с озером. Последние годы Коптевы напоминают собой сидельцев у постели больного. Озеро угасает. Процесс естественный, закономерный. Просто оно состарилось. Как-никак ему, по свидетельству ученых, 75—100 тысяч лет.

А. Е. Жадовский отмечал: «Чухломское озеро, по-видимому, находится в фазе своего угасания, постепенного зарастания прибрежную растительностью. Рдесты появляются на всех мелких местах. По сравнению с площадью древнего Чухломского озера в 6 829,88 гектара, нынешнее уменьшилось на 2 059 гектаров...

Нередко в середине торфяных болот можно видеть окнища открытой воды — остатки отмирающего озера. Примером таких отмирающих озер являются Мирохановское, Дорофеевское, Долгое, Черное, Чириково. Все эти нынешние болота в давно прошедшие времена представляли собою озера площадью от пятнадцати до семи тысяч гектаров. Постепенно зарастали, покрывались сплавиной и превращались в болота, среди которых окнищами остались небольшие озерки, как остатки былых громадных озер».

Все это с точки зрения науки. Но нам от этого не легче. Коптевым и сотням других чухломичей — тем более. Озеро кормило и поило их, баюкало (Виталий Александрович, к примеру, родился здесь, на берегу, в рыбацкой избе, под шум набегających волн), стало неотъемлемой частью их жизни. Попробуйте отнять у этого

сильного, мужественного и красивого человека озеро, и он сразу сникнет.

Суровый, немногословный народ — Коптевы, но если об озере разговор, — откуда и слова берутся.

— В июне... в три-четыре утра... особенно когда ветру нет... прямо-таки сказочное явление! — кричит, перебарывая рев моторки, Коптев-старший.

И в унылую осеннюю пору озеро хорошо. Небо тяжелое, серое, под стать ему вода, вдоль берегов, в зарослях, белая пена прибоя, желтые камыши гнутся на ветру, кричат чайки, холодная лимонная полоска зари заключила озеро в свои объятия. Озеро имеет форму овала, несколько вытянутого с юго-востока на северо-запад и суженного в северо-западной части. Главное, однако, что способно поразить человеческое воображение, — происхождение озера. Подумать только — оно образовалось от ледника!

Из глубин веков дошла до нас хрустальная капля влаги... И вот она — ледниковая капля в овале. Играет на солнце всеми цветами радуги.

Моторка, замедлив ход, приближается к устью одной из многочисленных речек, которые впадают в озеро. В глубине устья, среди зарослей, — черная бревенчатая избушка — лова.

И тотчас мысль принимает иное направление.

Чухломское озеро было, есть и остается промысловым озером, имеющим важное народнохозяйственное значение. Оно определяется здешним исключительно богатым растительным и животным миром. Карп зеркальный, сазан дикий, лещ, линь, язь, плотва, щука, налим...

Но подлинный король — карась чухломский. Как не вспомнить легенду о том, что чухломского карася — круглого, золотистого — живым доставляли в Париж.

Богат был рыбный базар в Чухломе. Возили карася на продажу и в Парфеньев-посад, и в Судай, и в Галич, и в Кострому, и в Москву, и в Питер. Словом, он был знаменит на всю Россию.

Как отголоски этой древней славы дошли до нас восторженные отзывы русских писателей. «Один из обитателей чухломских вод, — читаем в „Записках об уженье рыбы“ С. Т. Аксакова, — весил девять фунтов! Вот было бы весело поймать такого карася-исполина на удочку! Итак, почему же не быть карасям в двенадцать фунтов?» А. Н. Островский в своем письме к Ф. А. Бурдину от конца апреля 1867 года сообщает: «...У меня теперь главная надежда на Чухломское озеро, в этом озере самая крупная рыба во всей Костромской губернии». Не скупилась на похвалы карасю и такие признанные авторитеты в науке, как Л. П. Сабанеев, Я. Кржино

блоцкий, Л. С. Берг и многие-многие другие. Шутка ли — 1 650 статей о Чухломском озере!

Рыба водится там, где есть корм. В среднем на каждый гектар озерной площади приходится около 370 килограммов животных, употребляемых в пищу рыбами.

Словно в подтверждение этих данных, мы видим, проезжая мелководье, богатейшие пастбища рыб. В осеннюю пору вода прозрачна. Зато летом она желто-зеленая от водорослей и микроскопических животных — планктона. В конце осени на дно озера опускается пять-шесть тысяч тонн отмершего планктона.

Чем дороже ледниковая капля в овале, тем острее боль возможной утраты ее.

Мы проехали по краям чаши и собственными глазами видели, как зловонная петля сплавин стянула горловину озера. Ослабить ее, а возможно, и разрубить может только человек.

Итак, вмешательство неизбежно. Более того: оно необходимо.

Но... вмешательство вмешательству — рознь.

В июльские дни 1968 года чухломичи стали свидетелями массовой гибели рыбы. В зарослях по урезу воды от деревни Аринино до Чухломы было подобрано 1 749 крупных щук, включая особей по пять — семь килограммов, и 270 крупных карасей.

Летний замор рыбы — явление небывалое. Последовали комиссии. При внешнем осмотре выловленных щук и карасей специалисты обратили внимание на участки тела, лишенные чешуи, со следами кровоизлияния, на язвенные поражения жаберных крышек. Внутренние органы увеличены, деформированы и имеют неестественную, темно-вишневую окраску. Сомнений не было: рыбу погубили.

А произошло вот что.

Руководители приозерных хозяйств — совхозов «Векса» и «Жаровский», колхозов «Россия», «Заветы Ленина» — решили обработать посевы льна химикатами, но поручили это серьезное дело безответственным людям. Достаточно сказать, что на берегу реки Сони были найдены мешки из-под гербицидов, а в воде находилась железная бочка с химикатами. Бригадир колхоза Кораблев не стал утруждать себя... 22 июля начались ливневые дожди. Бурлящие потоки смыли со многих сотен гектаров химикаты и унесли в озеро. А уже 24 июля началась гибель рыбы по всему водоему.

Когда речь о постигшей озеро трагедии разнеслась по окрестным деревням, нашлись руководители хозяйств, агрономы, которые и не подумали о своей причастности к случившемуся. Они, видно, забыли: в Чухломское озеро впадает тридцать пять рек, а вытекает одна, Векса.

Нет, не такая «помощь» нужна озеру.

...Виталий Александрович что-то крикнул сыну. Тот развернул лодку и направил в устье реки Сони. Еще издали мы увидели земснаряд. Голубой, праздничный, он как бы повис над сплавной.

— Много их будет, — не удержался Виталий Александрович.

Земснаряд на Чухломском озере — есть от чего возликовать! Ну, знало древнее озеро своих верных помощников — мужиков и баб, так на этих «мелиораторов» тошно было глядеть. Залитые потом, облепленные злыми мухами, по пояс в грязи, они остервенело махали косами и топорами. Пытаясь углубить устья рек и ключей, таскали на себе бороны, копали каналы. Вместе с другими рыбаками таскали борону и прадед Коптевых — Алексей. Да немного было проку от их поистине каторжного труда...

Между тем земснаряд уже был рядом. Но добраться до него было непросто. Мелко. Чуть ли не на брюхе ползет лодка. А травы такие — не продерешься.

— Сплавина что на-а-до, — подтвердил капитан земснаряда Николай Анисимов, когда мы наконец, измученные, поднялись на палубу.

— Еще бы... Веками накапливался хлам, — тяжело вздохнул бригадир рыболовецкой бригады Алексей Михайлович Чижов.

— Не горюй, старина, — по-дружески хлопнул рыбака по плечу моторист Юрий Чадаев. — Очистим тебе озеро. Дай срок.

Нам повезло: к мелиораторам приехал инженер-гидротехник Анатолий Сергеевич Терпугов. Он-то и рассказал о планах на ближайшее будущее:

— Решено организовать строительный участок. Будут своя техника, своя ремонтная база, и мелиораторы окажутся в состоянии помочь озеру.

С повеселевшими лицами слушали инженера собравшиеся в каюте рыбаки. Мелиораторы устраиваются основательно, на годы. Значит, и помощь озеру будет капитальная, соответствующая нынешним возможностям советского человека.

Приветствуя будущий размах мелиоративных работ, нельзя, однако, забывать об одном очень важном обстоятельстве. Оно нем устаню напоминают ученые.

Диагноз «болезни» Чухломского озера, при всей его внешней простоте, сложный. Следовательно, и методы лечения должны быть тщательно продуманы, научно обоснованы.

Что, собственно, происходит с озером? Оно, попросту говоря, гибнет от удушья. По сравнению с летом зимние запасы кислорода в озере уменьшаются более чем в сорок раз.

Но как повысить содержание кислорода в воде и, следовательно, избежать заморов? Профессор П. Г. Борисов, например, предлагает провести выемку сапропеля — иловатых отложений, нако-

пившихся на дне и являющихся основными потребителями растворенного в воде кислорода, но мера эта сталкивается с тем, что тот же сапропель — почва, на которой развивается богатая донная пища для рыб. Таким образом, требуется очень осторожный подход. Нет скорого ответа и на ряд других вопросов.

Естественно, специалисты со временем выработают конкретную, научно обоснованную программу действий. Ведь речь идет о судьбе всех верхневолжских озер, включая такие жемчужины, как Плещеево озеро, Галичское и другие.

Значит ли это, что в ожидании программы можно сидеть сложа руки? Нет и нет! Надо действовать.

Но с чего начинать?

Озеру дают дышать реки. Ну а если сами реки страдают от удушья? Река Святица оказывается заморной даже на значительном расстоянии от озера (два-три километра), большую часть своего пути она проходит среди сплавин.

Конечно, не все реки Чухломского озера в одинаковой степени подвержены замору. Такие, как Юг, Каменка, Молокша, — менее заморные, чем Яхромша, Соня, Мокша, Пейка, не говоря уже о Святице. Чем короче путь реки по сплаvine, тем быстрее ее течение, одним словом, чем меньше речная вода находится в соприкосновении со сплавиной, тем она чище, богаче кислородом. Следовательно, надо спрямлять русла рек, несущих в озеро свежую воду, уничтожать береговые сплавины.

Разумеется, когда глубина озера достигала двенадцати метров, заморы не грозили. И только впоследствии, когда образовался на дне мощный слой сапропеля, когда старые берега озера стали заболачиваться, а из рек пошла болотная вода, заморы стали обычным явлением.

Профессор Е. А. Веселов предлагает с помощью плотин поднять уровень озера на один-два метра. Необходимо, говорит он, далее убрать все лова, дать возможность рыбе беспрепятственно заходить во все притоки. Надо кончать с так называемыми традиционными методами лова.

Конечно, заманчиво, если рыба сама идет в руки. Понятно, откуда взялась сказка про мужика, везущего воз рыбы... Лет пятьдесят тому назад был год, когда рыба «валом валила» в лова, ее набивалось туда так много, что палка, брошенная в воду, могла стоять торчком, плотно сжатая рыбой. Улов был громадный. Заняв всю посуду, замороженную рыбу стали складывать в сараях в поленицы.

Правда, летописцы свидетельствуют, что после столь «активного промысла» рыбка не ловилась много лет... Чисто выбирали!

Изменился социальный уклад, давным-давно существует рыбо-

ловецкий колхоз, а рыбку ловят по-прежнему, то есть не ловят, а черпают. И тут особо надо позаботиться о спасении чухломского карася. Его осталось немного. Если в 1934 году было выловлено 141 333 килограмма, то в 1952 году — всего 1 907 килограммов. Караси, достигавшие веса десяти — двенадцати фунтов, стали легендой, и сейчас нам кажется исполин карась в полтора — два килограмма. Следовало бы по-серьезному поставить вопрос о запрещении вылова карася в озере не на год-два, а на срок, может быть, до десяти лет, со строгим соблюдением запрета.

Названные мероприятия — составная часть проекта Чухломского озерного рыбного хозяйства, и рано или поздно они будут претворены в жизнь. Но, приступая к реконструкции, надо помнить: простым наращиванием мощностей проблему озера не решить. К сильным рукам нужна еще умная голова, иными словами — квалифицированное руководство мелиоративными и иными работами на озере. Какие бы мероприятия ни проводились, нужна величайшая осторожность, чтобы не нарушить естественный режим озера, складывавшийся тысячелетиями.

Нельзя все сводить к центнерам выловленной рыбы. Ведь речь идет не о строительстве нового водоема, а о сохранении уникального озера.

И, наконец, Чухломскому озеру нужен хозяин. Пока его нет.

В 1963 году на реке Вексе построили деревянную водосливную плотину, которая подняла уровень воды в озере на пятьдесят — семьдесят сантиметров, что в известной степени снизило заморные явления. Однако рыбаки преднамеренно сбрасывают воду через водослив, снижая горизонт воды в озере и искусственно вызывая замор. Это позволяет им в более короткое время, уже испытанным способом, с меньшими затратами труда выполнить план добычи рыбы.

Спрашивается: был бы у озера настоящий хозяин, разве допустил бы такое?

Умным, рачительным хозяином должен стать не только рыбколхоз, но и весь район. Тогда не будет ни губельных заморов, вызванных химикатами, ни хищнического уничтожения флоры и фауны. С помощью человека-созидателя озеро обретет вторую молодость.

...Вместе с отцом Виталий вывел лодку из дремучих зарослей, и — как молодой, горячий конь — она понеслась домой.

Чем ближе был высокий берег с толпящимися на нем веселыми домами — за последние годы город помолодел, — тем острее, болезненнее я чувствовал: мы — на дне чаши... Ледниковая капля может исчезнуть. Навсегда.

Наверное, о том же думали отец с сыном.

Незримо присутствовал и третий человек — Георгий Иванович

Лебедев, директор Чухломского краеведческого музея, материалы из архива которого использованы нами. Он всю жизнь пекся о том, чтобы легче дышалось старому, больному озеру. Ему многое удалось. Его рукописная книга «Чухломское озеро и его исследователи» положена в основу проекта по спасению озера — проекта Чухломского озерного рыбоводного хозяйства.

Если бы у всех были такие бережливые — поистине отцовские! — ладони, судьба ледниковой капли не внушала бы опасений.

Письма из Ивантеевки

Из подмосковной Ивантеевки шли письма на Волгу: страстный защитник нашего друга — природы, замечательный ученый Александр Сергеевич Яблоков помогал своим землякам умножать богатство и славу костромских лесов...

* * *

В один из сентябрьских дней в Яронихе, на просторном пне сидел академик, похожий на лесника. Он явно не спешил. Хотя родное Ивановское-Скрябино не так уж близко, Александр Сергеевич Яблоков был дома.

С годами понятие родины меняется. Умом и сердцем включаешь в него, помимо того места, в котором родился, вырос — ну, скажем, нерехтского сельца Ивановское-Скрябино, где знаком тебе каждый поворот тихой речки, покрытой кувшинками, где узнал бы в лицо любую старую березу и липу возле школы, в которой обучали крестьянских детишек грамоте твои мать и отец, — все лесное Заволжье. И отныне междуречье Ветлуги, Унжи, Костромы воспринимается как заповедное место на земле, а зеленая полоска на географической карте, оказывается, способна волновать, как музыка.

С тех пор, когда юношу, мечтавшего стать агрономом, увлекла стихия леса, минуло много лет. И, как любил выражаться сам Александр Сергеевич, он погулял по лесам. Бывал в Англии, Франции, Дании, Чехословакии. У нас, в Союзе, обшарил лесостепь, долго и

основательно лазал по Сибири — Восточной и Западной, по Алтаю, прошел Дальний Восток.

Что и говорить: насмотрелся всяких лесов. Но и ему, бывалому, приходилось снимать шапку перед иным собранием растений. Так было в Южной Словакии, в знаменитом лесопарке Амброзио Мигази. Яблоков смотрел на секвойю гигантскую, сосну гималайскую, болотный кипарис, тую западную и еще более утврждался в мысли:

Если б не было в мире
Ни корней, ни зеленых ветвей,
Красоты б я не знал...

И все ж... в гостях хорошо, а дома лучше! Нигде Александру Сергеевичу не было так привольно, как в костромских лесах. И нигде лес, со всеми его болями и тревогами, не подступал столь близко к сердцу, как на зеленых берегах Корбы, в приунженской пойме, на широких ветлужских плесах.

...Рыжее пламя костра почти не колеблется. Сергей Николаевич Багаев задумчиво глядит в огонь. Этот сильный, на редкость выносливый человек кажется мне осиротевшим.

— Последнее письмо от Яблокова получил месяц назад, — наконец выговаривает Багаев.

Все остается людям, в том числе и наши письма. Особенно если несут они в себе заряд большой общественной значимости. Письма Яблокова на Костромскую лесную опытную станцию Сергею Николаевичу Багаеву содержат такой заряд.

«ВАША НАХОДКА ХОРОША...»

В «окне» леса стояла береза.

Низкорослая и кривая, она казалась уродом рядом с молодыми, сильными, вознесшимися к небу сестрами. Если бы не тонкое кружево ветвей, хорошо различимое в осеннюю пору, Багаев принял бы ее за дерево иной породы. Сдерживая свой стремительный, летящий шаг, он подходил к березе.

У него хватило терпения снять рюкзак, развязать тесьму, не торопясь вынуть железный топорик. Но, ощутив в руке металл, Багаев помедлил — не хотел обмануться еще раз.

Снова и снова он окидывал взглядом дерево. Ширококораскидистая, густая крона из нескольких сильно развитых толстых ветвей; искривленный ствол, комлевая, нижняя часть его утолщена.

Заходя то с той, то с другой стороны, Багаев ощупывал глазами толстую с продольными извилистыми трещинами кору, необычайные вздутия и перехваты на стволе и боковых ветвях. Сомнений

нет: малорослая, хотя и почтенного возраста, береза была та самая, которую он бесконечно долго искал. И все же он медлил.

Солнце быстро скатывалось с горки. Длинные-предлинные тени упали на «окно». Багаев взмахнул топором. Топор отскочил: то ли Багаев ударил не в полную силу, то ли острое лезвие встретилось с кремниной. Удар, еще... Взору открывался изумительный рисунок.

Дальше Сергей Николаевич не пошел. Привычно достал котелок, отыскал озерцо, затянутое крупной желтой ряской, рукой отвел листья, зачерпнул воды. Но раскладывать костер не стал. Лег на спину.

Он думал о радостной находке. Безграничная вера в труд никогда не подводила Багаева. Конечно, сегодня он мог пройти мимо березы, прячущей за толстой темно-серой корой удивительное художество природы. Но завтра, послезавтра, через месяц, год он попал бы сюда, к березе.

Он вышел из Судиславля едва рассвело. Не надеясь на легкий успех, приготовился к обычному поисковому дню. И маршрут выбрал обычный: правый берег реки Корбы. Осыпавый желтым дождем, шел рощами, с рюкзаком за плечами, шел, не считая верст. Со стороны, наверно, он выглядел чудачком: оставляя лесную тропу, продираясь сквозь заросли, петляя, спускался в глубокие овраги. Пальцы между тем мяли суглинок. Багаев терпеливо изучал рельеф, почву, растительность. Он целиком полагался на этих молчаливых проводников: месяц назад они точно вывели его к каповой березе. Пережив счастье открытия, он захотел большего.

Каповая береза не полностью удовлетворяла: у нее мало древесины с художественной текстурой. Найти бы березу с богатым рисунком по всему стволу — карельскую.

А впрочем, не от Судиславля начался сегодняшний путь. Прежде чем попасть на берега Корбы, Багаев „обшарил“ многие уголки в стране. Перебирая в Ленинской библиотеке ветхие журналы, он советовался с десятками знатоков леса. Сделал горы выписок.

Показать весь труд — значило бы поведать о жизни Багаева. В ней не было особых взлетов, редких удач, счастливых случайностей. Ровный изо дня в день, из года в год труд наполнял ее. В свои тридцать пять Багаев просто не доверял удачам.

Короткий день угасал. С неба хлынул поток холодной, вязкой тьмы. Лишь смутно белела щепка. На коленях, приминая звонко-трескучий полог, Багаев быстро собрал всю щепу. Спотыкаясь, безмерно уставший, двинулся домой.

Он жил в Судиславле, рядом с Лобанкой, в большом дощатом доме на втором этаже. Дом старый с рассохшимися полами; когда на первом этаже подгорало молоко или жарилась рыба, тотчас узнавали на втором.

Багаев толкнул дверь в свою комнату. По лицу мужа Маргарита Васильевна поняла: поиск был успешным.

Ночью он подошел к высыпанной на стол щепе. А щепка, подсыхая, становилась красивей и красивей — живой мрамор: такие прожилки и даже цвет такой — приятный, золотистый, переливающийся. Он брал в руки щепу, любовался рисунком. Темно-бурые и коричневые полосы, штрихи, завитки разной формы и волнистое расположение древесных волокон. Только один художник — природа — мог сотворить это.

Рука, перебиравшая щепу, дрогнула — Сергей Николаевич спал.

...Они являлись к Багаеву без церемоний, без стука в дверь. Переминаясь с ноги на ногу, молчали. И долго недоверчиво-хитро глядели из бород, всматривались в хозяина, как бы желая проверить, тот ли он, за кого себя выдает. И только потом, кряхтя, доставали узелки, возились с бечевкой. Наконец на черной, в трещинах мужицкой ладони появлялась вещь.

Бронников протянул карманные часы. Диаметр всего в три сантиметра. Корпус — из каповой березы. Механизм и цепочка — из пальмы. Стрелки — из жимолости. Пружинка — из закаленного бамбука. Места для цифр выложены перламутром. Багаев знал, что над первыми деревянными часами Семен Бронников работал около шести лет. Часы отличались необыкновенным изяществом, прочностью и верностью хода.

Амвросий Ковязин достал из котомки полированную шкатулку. Она была со сложными тайниками. Обнаружение главного секрета сопровождалось красивой мелодией. На внутренней стороне крышки приклеено Особое печатное свидетельство за подписью Орловского окружного управления государственного имущества с приложенным печатом. Каждая шкатулка работы Ковязина снабжалась таким свидетельством, ценилась от шестисот до тысячи пятисот рублей.

— Кап, — Бронников говорил тихо, доверительно, — материал редкий и весьма ценный по красоте рисунка, особенный по свойствам древесины: не коробится, не трескается, не разбухает, не ссыхается, а потому из него надо делать такие вещи, чтобы дивить весь мир.

Потом появились в комнате внуки и правнуки кустарей. Санников. Никулин. Самылов. Першин. Мамаев. Злобин. Вьюгин. Пересторонин... Исполненные достоинства, внутренней свободы, они держались солидно, говорили легко, громко. Чувствовалось: знают цену рукам своим. С дедами их роднили, пожалуй, только вятский говор да вещи, которые они принесли с собой.

В немом восхищении Багаев глядел на груду вещей с тщатель-

ной, тонкой отделкой. Блестящие, будто прозрачные, с чудным узором шкатулки, портсигары, предметы дамского туалета. Они не нуждались в похвалах. У них была своя награда: Гран-при Всемирной выставки в Брюсселе¹.

— Сколько же я спал? — спохватился Багаев.

Разгоралось уже утро. Багаев вынул и перечитал два письма — не они ли помогли ему вынести все трудности лесных хождений?..

«Наша артель „Идеал“ — единственная не только в СССР, а пока что и в мире, производящая изделия из капа. Старинный промысел вятских кустарей сохранился лишь у нас, и он находится под угрозой отмирания исключительно из-за трудностей с сырьем. Березовый капокорень в Кировской области мы встречаем очень редко и вынуждены заготавливать его в Башкирии, Новосибирской, Курганской, Тюменской областях и вести разведку на больших пространствах страны. И вот уже много лет производство в полной зависимости от того, как мы сумеем заготовить сырье.

Мы вынуждены применять другие декоративные породы: грецкий орех, грушу, чинар-платан, бук и даже ольху. Но это не удовлетворяет таких щепетильных потребителей, как ГУМ и Петровский пассаж в Москве и Главгалантерея в Ленинграде. А ведь мы поставляем много изделий и в США, Англию, Францию, Бельгию, другие страны.

Вы, товарищ Багаев, лесной специалист и нас поймете: крайняя нужда в сырье...

Прошу обязательно заехать. Наш адрес: Кировская область, Ново-Вятский район, деревня Лопатовская.

*П. ЖАРОВЦЕВ,
председатель художественной артели „Идеал“.
19 февраля 1959 года.*

«Артель с первого октября шестидесятого года переведена на фабрику. Занято сто пятьдесят рабочих. Пять светлых и просторных цехов. Большинство процессов механизировано. Но вот уже третий год работаем на отходах капокорня, а молодежь и не видела настоящего капа. Из-за отсутствия качественного сырья в прошлом году мы просто бедствовали. С большим трудом десятого января с. г. отправили двадцать три изделия на выставку в Японию.

Сергей Николаевич, мы многим Вам обязаны. Мы знаем: Вы

---

¹ В 1958 году на Всемирной выставке в Брюсселе за изделия из капокорешковой березы художественная артель «Идеал» из Кировской области получила высшую награду — золотую медаль Гран-при.

проводите большую работу и — безвозмездно. Просим Вас продолжить поиски месторождений капа.

Честь мастеров русских надо спасти.

*П. ЖАРОВЦЕВ.
21 января 1961 года».*

Недавняя поездка на фабрику «Идеал», где Жаровцев долго водил Багаева по цехам, еще больше разжигала радость от вчерашней редкостной находки: будет вятским мастерам работа.

Теперь Багаев неделями не покидал леса. Судиславцы пожимали плечами:

— И как не надоест лес! Целую неделю, да еще на выходной. И детей тащит.

И правда: Багаевы не щадили выходных, праздников. Седьмого ноября, возвратясь с демонстрации, переоделись и семейством — в лес.

Леса уже облетели и хорошо просматривались. Раздетые ветром, зябко дрожали осинники, светло печалились березняки, а до поры до времени прятавшиеся елки выплыли в зеленых боярских шубах. Щемящая душу тишина. Так бывает в огромном и светлом доме, где еще недавно звенел праздник. Но вот догорает свеча, и меркнут краски.

Багаевы шли притихшие, погруженные в таинственное молчание осени, и даже дети не вспугивали тишину. Глаза же прилежно искали что-то.

Из отцовских рассказов Женя и Сережа знали: карельская береза произрастает в смешанных, преимущественно хвойных лесах. В подлеске обычно растут рябина, жимолость, крушина, бересклет, черемуха, липа, серая ольха. В чистых лиственных и лиственново-еловых древостоях — карельская береза, короткоствольная, суковатая, встречается около прогалин, «окон», по опушкам, в перелесках. Она очень жизнестойка, выживает даже под пологом хвойного леса.

Семья пересекла высоковольтную трассу. В густом малиннике Багаевы обнаружили дрова. Сергей Николаевич ударил топором по бревну. Это была карельская береза...

— Вот тут и будем искать. — Сергей Николаевич повел рукой по кругу. — Кто ищет — найдет.

В тот день они открыли целое месторождение карельской березы в урочище Климцево. Великолепная колония из шестидесяти деревьев. Карельская береза разных форм — высокоствольная, короткоствольная, кустовидная. На одной встретился прикорневой кап.

Участок леса в урочище Климцеве оказался весьма ценным. Как памятник природы, он объявлен заказным.

Сергей Николаевич огородил деревья, сфотографировал, подробно описал. Отныне он был богачом, владельцем первого в костромских лесах заказника карельской березы.

Впрочем, почему карельской? Она найдена в Белоруссии, Финляндии, Швеции, Норвегии. А вот теперь и в Костромской области. Может быть, правильнее ее называть узорчатой березой?

О находке Сергей Николаевич написал академику Яблокову. Написал очень осторожно. Академик верил и не верил. Тогда Багаев собрал посылку.

Из Ивантеевки, что под Москвой, из Института леса, пришло письмо:

«11 февраля 1962 года.

Дорогой Сергей Николаевич!

...Ваша находка хороша. Она доказывает многое интересное и новое.

Меня особо интересует вот что: в каких условиях почвы и рельефа встречаются эти формы березы и есть ли среди них деревья почти таких же сильных форм, как и деревья обычной бородавчатой березы? Если есть, то они самые ценные и перспективные для массового размножения.

Вы молодец! Нашли в судиславских лесах то, что другие не заметили...

Ваш ЯБЛОКОВ».

Так началась переписка, которая продолжалась несколько лет и вылилась в задушевный разговор двух лесоводов о судьбах русского леса.

«2 июля 1962 года.

Насколько мне известно, Вам, Сергей Николаевич, теперь на Костромской лесной опытной станции должны дать работу по березе и осине. По березе (каповой и карельской) — в Судиславском лесхозе и по осине — в Шарьинском и Судиславском.

Я, быть может, сумею собраться и, хотя бы на неделю, выехать в Шарьинский лесхоз, чтобы вместе с Вами обойти снова кварталы, где я изучал формы осины, и передать эти места „под Вашу опеку и наблюдение“. Вы продолжите там это дело, а ценных форм осины в Шарьинском лесхозе (я глубоко уверен) найдете очень много. Это ценнейший маточник здоровой высококачественной осины.

Имейте в виду, что в скором времени — эта поистине „лесная Золушка“ — станет одной из ценнейших древесных пород в наших

лесах, — и перед нами уже теперь поставлена задача серьезно заняться ею, чтобы научиться выращивать ее здоровой, качественной».

«7 августа 1962 года.

Шарьинская исполинская осина № 27 резко выделяется своим могучим ростом и здесь — на Ивантеевке, и в Обоянском лесхозе Курской области, где она была привита на сеянцах местной осины. А у меня — на Ивантеевке — она забивает все и вся и все сильнее распространяется по участку, вытесняя другие породы.

Очень хорошо, что Вы разыскали ее и установили точно место произрастания. Надо будет разыскать того лесника, с которым я ходил в эти кварталы (я ходил из Шарьи пешком), и — если он жив — обязательно с ним сходить туда. Я принимаю Ваш маршрут поездки и хочу предложить такой план: мы пройдем лесные кварталы и постараемся восстановить места произрастания описанных мною форм осины. Затем переедем в квартал 73-й и смежный с ним на станции Шекшема¹.

Очень рад и тому, что с березой дела у нас идут хорошо. Желаю новых успехов.

Получили ли Вы книгу „Селекция древесных пород“? Ваш опыт по капокорешковой березе в ней получился очень внушительным».

«21 октября 1962 года.

Дорогой Сергей Николаевич!

До сих пор не могу забыть очень приятного и полезного для меня и для дела нашего путешествия в Кострому и костромские леса. Эта поездка была приятнее, чем путешествие к Черному морю, и — во много раз! Она показала, что мы стоим на правильном пути и что наша работа очень важна и перспективна.

Прочтите газету „Лесная промышленность“ от 20 октября. В ней помещена хорошая статья „Смелее варить целлюлозу из осины“. А ведь мы с Вами в Шарьинском леспромхозе любовались такими огромными возможностями выращивать хорошую деловую осину, что их не опорочить никому.

---

¹ Уже в первый год на станции были поставлены многочисленные опыты по гибридизации и размножению отобранной в костромских лесах карельской березы, восстановлены ранее найденные А. С. Яблоковым клоны исполинской осины в Шарьинском районе.

Академик приехал на Костромскую станцию в конце полевого сезона. Я встречал его в Шарье, и оттуда мы стали пробираться к исполинской осине в Шекшему. Затем маршрут пролегал по судиславским и костромским местам.

Александр Сергеевич был доволен начатой работой. В память о посещении костромских лесов взял с собой в Ивантеевку пять свертков с черенками новых клонов осины, семена и черенки от лучших экземпляров карельской березы (здесь и далее примечания к письмам академика А. С. Яблокова принадлежат С. Н. Багаеву).

Дело наше не только правое, но и очень важное для страны. ...Видел я здесь старшего лесничего Костромского лесхоза. Мы договорились о том, чтобы через Костромскую лесную опытную станцию получить для озеленения Костромы саженцы тополя Советского и других моих пирамидальных тополей (Мищурунец, Русский).

Полагаю — это нам вполне удастся сделать — и лесхоз весной на машине привезет их к себе из Ивантеевки. Будем украшать родную Кострому — прежде всего надо украсить набережную — скверы на ней. Будет очень красиво.

А в леса — здоровую ценную осину, карельскую и каповую березы, лиственницу гибридную, гребенчатую ель и авиасосну! Вот программа Вашей работы на двадцатилетие. Осилите ее — героем станете, и родная Кострома еще краше и богаче будет».

«26 декабря 1962 года.

Получил теплое письмо от Н. В. Тимофеева¹. Где он теперь и будет ли работать по лесной промышленности? Жаль, если его не будет вместе с нами. Он умный, государственно мыслящий человек и мог бы наладить хозяйственное использование осины и других быстрорастущих пород...

Пришло приятное письмо от костромичей-озеленителей. Весной они возьмут в Ивантеевке тополей, чтобы посадить их в скверах на набережной, у Волги».

«7 января 1963 года.

Помогать Вам должна Ваша супруга — это самое надежное и верное условие успеха и хороших итогов работы по селекции. Я давно убедился в том, что если дружно работают по селекции муж и жена, то это обеспечивает самые надежные результаты научной деятельности. Это мое крепкое и твердое кредо в жизни. Я не согласен с людьми, которые в дружной научной работе супругов хотят видеть „семейственность“. Только бюрократы и поверхностно мыслящие люди могут видеть в этом „семейственность“.

...Леса области — самое ценное, чем она располагает, конечно, при условии, если в них будут работать рачительные хозяева, болеющие за будущее.

---

¹ Предстояла большая опытно-производственная работа по облагораживанию лесов — ее можно было развернуть лишь с участием лесозаготовителей. За помощью обратились к Н. В. Тимофееву, председателю Костромского совнархоза.

В 1962 году за подписью Н. В. Тимофеева было издано постановление «Об организации специализированных хозяйств по выращиванию узорчатой березы в Судиславском и Костромском лесхозах». По осине предполагалось вести организованное целевое хозяйство в лесах, являющихся сырьевой базой Балахнинского бумажного комбината.

Корни шарьинских осин мы уже в теплице заложили на проращивание — рассчитываем получить от них к осени некоторое количество саженцев.

Начинает осиной усиленно заниматься Московская область. Когда приспичило, и здесь в лесах нашли хорошую осину. Оказывается, она пошла на выработку клепки и оказалась прекрасной экспортной древесиной, идущей в Европу.

Вот тебе и „малоценная“ порода!»

«19 июля 1963 года.

Очень заинтересовала меня фотография осины (куска), из ствола которой была сделана лодка. Нельзя ли достать кружок от этого куска с корой и выслать мне, в лабораторию генетики, а в дендрарий — корней (метров десять) для размножения этой осины или штук пять корневых отпрысков?

Карельская береза, от которой Вы мне подарили образец шпона фанеры, произвела фурор у слушателей, когда я демонстрировал ее, читая лекцию и рассказывая о Ваших достижениях по селекции такой березы.

Особенно радуюсь тому, что будут привиты саженцы от нее. Уж очень красива древесина!»

«15 декабря 1963 года.

Хорошо, что у Вас уже есть весомые доказательства экономической рентабельности и технической возможности ухода за осиновыми древостоями путем удаления сухих сучьев и обрезки. Рад и тому, что этот уход Вы провели на площади десять гектаров в Шарьинском леспромхозе. Надо, чтобы наша Костромская область начала в лесном хозяйстве движение за оздоровление осинников, за массовое разведение ценных форм осины и березы — под лозунгом поднятия производительности лесов. Это движение не менее полезно и важно, чем борьба за сохранение подрост хвойных. На костромском опыте будет учиться вся страна, как она учится сохранять подрост по примеру Геннадия Денисова».

ПОСЕВ ОТ ЖАТВЫ НЕДАЛЕК

Завернул к леснику Белобородову, а он выглядит именинником: свежевыбрит, подтянут, даже молодцеват! В свои-то семьдесят.

Достал план Луптюжского лесничества, надел очки и стал водить пальцем. «Наведемся, — говорит, — вот сюда, в сорок шестой квартал. Там бригада Денисова работала...»

Сначала идем по узкоколейке, потом под прямым углом сворачиваем в сторону бывшей деревни Дряблво.

Куда ни посмотришь — удивительной белизны и свежести мир. И чтобы этот мир ожил, заискрился, засверкал, вспыхнул, нужна, в сущности, одна-единственная спичка. Но зато какая — солнце.

Где-то здесь, совсем неподалеку, денисовские молодняки. Мы не спешим. Мы как бы заново переживаем события тех памятных лет.

...Четыреста тринадцать делегаций побывало в поназыревских лесах. Ехали отовсюду — с Дальнего Востока, из Восточной и Западной Сибири, с Урала, из Карелии, Прибалтики. Больше всего, однако, было гостей из средней полосы России, Поволжья да с Европейского Севера — этих привела не только сыновняя любовь к русскому лесу, но и тревога за него: на глазах тает лесная казна. В Костромской области ежегодно вырубалось по сорок пять — пятьдесят тысяч гектаров, а восстанавливалось лесными культурами шесть-семь тысяч гектаров.

Как велись лесозаготовки? Тракторы беспрепятственно ездил по лесосеке, сокрушая все на своем пути, на поворотах выворачивая почву до материнской, подстилающей породы. Лесосеки как следует не очищались. Вырубленные площади не то что для лесовосстановления — даже для выпаса скота становились непригодными. Вот почему к началу шестидесятых годов в области насчитывалась четверть миллиона гектаров необлесившихся лесосек.

Тревогу за убывающее богатство испытывали прежде всего те, кто здесь работал.

— Будущее наших лесов очень волнует нас, — говорил антроповский лесоруб В. А. Крепышев, Герой Социалистического Труда. — И беспокоит вовсе не дальнейшая обеспеченность работой — должны мы сберечь зеленый покров земли, источник благоденствия нашего и наших потомков. Часто нас, лесозаготовителей, не без основания упрекают в равнодушии к лесу. Поговорка даже сложилась такая: «Топор — плохой воспитатель». Мол, тот, кто рубит дерево, нового не вырастит. Что ж, и дальше так будет? Остановить надо расширение безлесных площадей. Пусть каждый лесоруб следует правилу: не только рубить, но и восстанавливать лес.

Так родилась большая патриотическая идея. Творческая группа работников комбината «Костромалес» во главе с главным инженером С. Н. Сажиным разработала способ сохранения жизнеспособного подроста при механизированных лесозаготовках. Усовершенствованный в других областях страны, он стал огромным подспорьем в сохранении и приумножении лесных богатств.

Трудностей, конечно, было предостаточно. Люди, привыкшие работать по старинке, цеплялись за малейшие шероховатости новой технологии. Костромичам, пионерам движения, приходилось буквально в поте лица трудиться, чтобы доказать свою правоту.

Екатерина Андреевна Шумская, поназыревский лесничий, уезжала с лесосечными бригадами на весь летний день. Деревья, как известно, не растут по линейке: лес есть лес, а тут шла борьба за каждую молодую елочку. Екатерина Андреевна начинала с того, что пересчитывала подрост на лесосеке — поштучно. Затем составляла технологическую карту. После рубок — опять учет. А по выходным дням вместе с мужем, Леонардом Ивановичем, заполняла „Журнал сохраненного подроста“.

Но основную свою обязанность Екатерина Андреевна видела в том, чтобы научить лесорубов работать по-новому. Чем шире применялась новая технология, тем больше Шумская убеждалась: одного желания сохранить подрост мало — нужны профессиональные знания, навыки, недюжинное мастерство. Надо быть подлинным виртуозом, чтобы вот так, как Денисов, свалить матерое дерево и не примять куртину елочек.

В Денисова она поверила еще тогда, когда он, мастер лесоповала, взялся помочь лесничеству посеять лес на двадцати гектарах. Взялся без уговоров, совершенно добровольно, более того, как показалось ей, с радостью, словно всю жизнь ждал этого предложения. И глядя, как богатырь-лесоруб нес мешок с семенами, Шумская заметила про себя с удовлетворением: «Неравнодушен он к лесу...» А когда настало время решать, в чьи руки отдать новую технологию, Екатерина Андреевна не колебалась: Денисову.

Веселый, жизнерадостный, с открытым русским лицом, Геннадий Денисов заряжал энергией не только поназыревских лесорубов, но и многочисленных гостей. Видя, как он работает, люди начинали верить: в самом деле, можно сохранить подрост. И потом: истинно русское радушие, с которым бригада Денисова принимала гостей, доброжелательность поназыревцев, готовность поделиться любой крупицей опыта.

Помню, в то лето и меня, делающего первые шаги газетчика, потянуло в поназыревские леса. Разыскал Денисова. Отказывать он не умел — только улыбнется беззащитно. Сделал Геннадий выразительный жест — занят, мол, по горло, однако сказал:

— Знаешь что, приходи-ка в обеденный перерыв.

И вот мы пробираемся с ним на выработанную делянку. Лето было грозное, теплое. Чуть ли не каждый день оно проливалось на землю щедрым дождем, и обильные, дымящиеся потоки вдруг обернулись небывалым буйством зелени. Раздвигая плотные, мокрые, сверкающие на солнце кусты, мы как бы плыли по зеленому морю.

Вот и делянка. Денисов стал что-то разыскивать — это было похоже на поиски иголки в стогу.

— Вот она!

Как и Денисов, я припал к земле и увидел крохотную елочку — из тех, что посеяла бригада весной на месте бывшей эстакады и волоков. Я слушал рассказ Денисова и думал: «Какой поворот в сознании этих людей должен был произойти, чтобы руки, привыкшие к бензопиле, взялись за царাপку и семена!»

А потом Денисов показал сохраненный при валке леса подрост. Я бы сказал, чудом сохраненный. Современная лесозаготовительная техника — это не мужичок с топором в руках и на лошадке: проехал — только ветка качнулась. Кто бывал на лесосеке, знает: порой живого места не остается. Тем важнее победа поназыревцев, на деле доказавших: вполне можно сохранить семьдесят и более процентов подроста, подлеска и напочвенного покрова.

Мокрый с головы до ног Денисов стоял возле спасенных им елочек. Не берусь передать выражение его лица: слишком много было оттенков. Могу сказать только: я видел счастливого человека.

...И вот пятнадцать лет спустя я снова здесь. Белобородов ищет узкоколейку. Ту самую, которая вела в сорок шестой квартал и по которой мы с Денисовым когда-то шли. Но и узкоколейка заросла до неузнаваемости, и только когда добрались до полосы старого леса (его тогда оставили — для рубки он не годился), она стала просматриваться. Споткнулись о бугор. Эстакада, должно быть. А там — остатки мачт. Сомнений нет: денисовская делянка. Но где же елки?

Да вот они — в стороне от узкоколейки. Много ели, взрослой... Просто мы шли по узкоколейке, а в лес настоящий не свернули.

Вспоминаю газетный снимок давних лет: то ли гости, то ли члены комиссии пытаются что-то разглядеть... Сейчас им не пришлось бы напрягать зрение. Хвойные молодняки из подроста не уступают лиственным. А как быстро растут лиственные, известно.

Разумеется, немалую роль сыграли и рубки ухода, организованные Костромской лесной опытной станцией. А проводил их Леонид Николаевич Белобородов.

— Нельзя без них! — убежденно говорит он. — Даже в больших лесах есть деревья типа „волк“, которые глушат хорошее дерево. А в молодняках особенно. Ну как вот ее не вызволить из плена? — показывает он на елочку.

Денисовский лес полон жизни. Где-то по сухаре стучит дятел. Во всех направлениях делянку пересекают лисьи и заячьи тропы. А вот след «парочкой»: пробежала куница. С ветки неохотно поднялась сова. Водятся здесь и глухарь, и рябчик, и тетерев.

Сейчас на бывшей денисовской делянке — опытные участки Костромской лесной станции. На них опирается станция в своей большой работе по лесовосстановлению.

Уже в вагоне, по пути в Лопарево, где теперь живет и работает

Герой Социалистического Труда Г. В. Денисов, я думал: «В том, что почин поназыревского лесоруба не только пустил корни в родной почве, но и шагнул по стране — заслуга многих. Очень многих. Это коллективная победа. У Геннадия Денисова было много единомышленников — от нынешнего министра лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР Николая Владимировича Тимофеева до товарищей по работе: Василия Порфирьевича Григорова, Алексея Николаевича Смирнова, Николая Ивановича Великжанина, Алексея Адамовича Покумейко... Эстафету от них приняли Худяков, Ермолаев, Абрамов, Савонин, Березин, Антипенков, Кудреватых. А если взять по стране, то сотни, тысячи лесозаготовительных бригад».

...Он встал ни свет ни заря, как и обещал. Курит, нервничает. Растревожил я его вчера, поднял в душе то, что, казалось бы, уже на вечной стоянке. А главное, мне думается, он переживает потому, что мы не в Поназыреве. Другое бы дело — дома, в родных поназыревских лесах! А тут, что ни говори, местность малознакомая, можно сказать, чужая. Поселок лесорубов и железнодорожников Лопарево от Поназырева — за сотни километров.

Работу на чужие плечи не взвалишь, тем более такую — мастер нижнего склада.

— И все-таки я покажу вам подрост. — Денисов загасил окурок. — Пойдемте!

На девятом километре Лопаревского тракта мы вылезли из лесозова и свернули в лес. Впереди шагал Денисов. Что и говорить, постарел Геннадий Владимирович! Осанистый — будто ниже ростом стал, походка тяжела. На ноги жалуется. Впрочем, удивляться нечему: почти шестнадцать лет пролетело, как виделись мы с Денисовым в последний раз. Можно сказать, целая жизнь прожита. Тем отраднее видеть, что он по-прежнему верен девизу своей молодости: не только рубить, но и восстанавливать лес. А это бросилось в глаза, едва мы ступили на делянку Анатолия Алексеевича Корюшенкова.

— Вот они, — радостно сказал Денисов, показывая на сбереженный при лесозаготовках еловый подрост. — Вот елочка, — продолжал он, нагибая вершину, — ничем не повреждена. А там еще... А вот куртинка... Ай да Корюшенков, сохранил подрост!

Как не узнать прежнего Геннадия Денисова! Сыплет, как горохом, шутками-прибаутками, смех звонкий, раскатистый.

И потом весь день оставался в нем этот чудесный заряд. А исходили мы, надо заметить, всю округу.

Врезались в память две делянки за деревней Овчарниково. Они разрабатывались почти одновременно, в шестьдесят восьмом — шестьдесят девятом годах, но... по-разному.

На первой действовала бригада Денисова, когда он, приехав в Лопарево, до назначения мастером нижнего склада трудился в лесу. Естественно, он заботился и о подросте. На соседней же делянке рубили, как бог на душу положит.

И вот позади шесть-семь лет. Идем по бывшей лесосеке, освещенной косыми лучами солнца. По обеим сторонам глубокой задержнейшей борозды длиной примерно сто пятьдесят метров я насчитал более тысячи елок и сосен из подроста. Полностью оправившиеся, они бурно пошли в рост. Некоторые из них уже плодоносят и сами способствуют восстановлению леса.

А на другом участке подрост сохранился только у дороги, и то в одном месте — там, где вообще рубок не было. Дальше же — хоть шаром покати.

Велика сила самовозобновления леса, но и она имеет свой предел. В первом томе „Лесов СССР“ приведены такие данные о нынешнем состоянии лесов в области: березняки занимают до сорока процентов покрытой лесом площади, ельники — до тридцати; еще меньше — сосновых лесов: около двадцати двух процентов. Таким образом, хвойные леса составляют немногим больше половины всех лесов области. Полвека назад их было семьдесят шесть процентов. Тем большее сожаление вызывает то, что работа по сохранению подроста в области пошла на убыль. В 1976 году лесная станция обследовала двадцать концентрированных лесосек в Якшангском, Кологривском, Чухломском, Судиславском, Мантуровском леспромпхозах, и только на одной из них (Слудный лесопункт Чухломского леспромпхоза) была установлена относительно сносная технология разработки.

Конечно, борьба за подрост непростая. И тут способов может быть применено множество.

— Надо искать новые, более прогрессивные решения, — раздумывает вслух Денисов. — Мощь лесозаготовительной техники возросла стократно. Однако конструкторы мало заботятся о том, чтобы техника удовлетворяла требованиям сохранения подроста, — они в большом долгу перед нашим лесом.

Геннадий Владимирович приводит такой пример. Много и правильно говорят в последнее время о скорейшем создании лесного колесного трактора. Еще в середине шестидесятых годов были проведены соответствующие научные исследования. Доказано: примерно сорок процентов лесных предприятий даже летом и осенью могут применять колесные тракторы. Нетрудно представить, насколько колесник в сравнении с гусеничным увеличивает возможность сохранения лесной среды.

...Интересно ходить по старым и новым вырубкам — сразу видно, кто и как хозяйничал. Чудес на свете не бывает. Ну, допустим,

захламили делянку, уничтожили все живое на ней, а лет, скажем, через двадцать заглянули, а там полная чаша: доставай ложку из-за голенища и черпай. И лес, как в сказке, поднялся, и зверья полно... Нет уж, какое семя бросишь — такое и прорастет.

Ничто не проходит бесследно: ни наши добро и забота, ни зло и равнодушные. Никакая, даже маленькая, крупица добра не пропадает даром, ибо большое добро складывается вот из таких крупиц.

Тем-то и хорош почин Денисова, что, прежде чем обернуться пользой в лесном деле, он пророс в душах людей добром, святым чувством беспокойства за родную природу, желанием приумножить богатства своей страны.

Поистине: посев от жатвы недалек.

* * *

«15 июня 1964 года.

...Сергей Николаевич, что нужно было бы, чтобы улучшить и развернуть работу более широко? Советую Вам сколотить актив из специалистов-лесоводов в нескольких лесхозах (в Шарьинском, Судиславском и других, наиболее подходящих для этой цели), договоритесь с комбинатом „Костромалес“ и развивайте работу по осине так, чтобы в ближайшие годы иметь площади здоровой осины на сотнях гектаров, а узорчатой и каповой берез — на десятках гектаров. Они явятся семенниками и послужат для следующего этапа.

Да присматривайтесь к ельникам! — надо начать работу по выявлению имеющихся (особенно быстрорастущих) насаждений ели. Ель очень пригодится для целлюлозно-бумажной промышленности в будущем. Ну, и сосну не забывайте.

Ваш ЯБЛОКОВ».

«18 декабря 1964 года.

Знаете ли Вы, что латыши нашли в коре осины прекрасное пищевое масло (типа прованского) и в большом количестве?

Знаете ли Вы, что латыши приготовили из древесины осины муку, по калорийности и питательным достоинствам не уступающую комбикормам? Это они проверили уже в открытом порядке на кормлении сельскохозяйственных животных. И строят завод для выработки этой муки».

«23 марта 1965 года.

Лучше всего, Сергей Николаевич, если Вы приедете в первой декаде апреля¹.

---

¹ В научной работе А. С. Яблоков придавал большое значение не только систематической переписке (писем от него было около восьмидесяти), но и личным встречам и беседам. Для этого он предлагал приезжать в Ивантеевку не менее двух раз в год.

К этому времени я уже прочту Вашу диссертацию. Да и Вам лучше в это время приехать — возьмете привойный материал от нас (осины, березы, гибридных тополей)...

Я чувствую сейчас себя хорошо. Хочу с пенсии уходить снова на работу — так складывается обстановка, что надо еще повоевать за мичуринское дело».

СЛЕД НА ЗЕМЛЕ

Люди научились быстро возводить здания: найдены экономичные и удобные проекты, изобретены новые строительные материалы, отработана технология. Неудивительно, что прямо на глазах меняется облик наших городов и сел.

Строят свои «города» на земле и селекционеры. Но как мало новых древесных форм найдено — состав наших лесов, садов, парков почти не меняется. Выведение древесных пород связано с огромным трудом. Оно требует времени и еще раз времени. П. П. Лукьяненко на создание знаменитой пшеницы «безостая-1» потратил пятнадцать лет. Пятнадцать лет бесконечно сеял и убирал... А чтобы лесовод собрал задуманный урожай, требуется минимум сто пятьдесят лет. Какой же верой в свое дело должен обладать селекционер, чтобы создать новые породы деревьев! И упорством, и способностью к кропотливому труду, к систематической работе, рассчитанной на десятки лет. Жизнь человеческая настолько коротка, что лесовод практически не увидит плодов своего труда — они достанутся будущим поколениям.

Всякий раз, возвращаясь из Ивантеевки, Багаев чувствовал прилив сил. Есть с кого брать пример! И дьявольски хочется работать, чтобы оставить на земле такой же след.

Багаев с удовольствием перебирал в уме подробности вчерашнего дня. Он вышел из общежития института без какой-то определенной цели. Впереди был целый свободный день, и Багаев захотел прожить его «как хочется».

Сергей Николаевич вышел на берег Серебрянки и словно впервые увидел здешние места. До самого горизонта небо подпирали многоэтажные громады. А ведь было время, когда

Пригорок Пушкино горбил
Акуловой горою,
А низ горы деревней был —
Кривился крыш корою.

Что и говорить, научились люди строить! Но радовала и работа озеленителей Подмосковья: нет, кажется, кругом ни одного куста, который вырос бы сам по себе; все эти бесчисленные пушкинские

парки, скверы, аллеи, сады — рукотворный лес. Более того, он узнавал «почерк» знакомых селекционеров.

Отыскался и «след» Яблокова. Он начинался с высаженных в центре города Пушкина тополей Яблокова.

Багаев пошел по «следу». Миновав шумные магистрали, он оказался на тихой одноэтажной улице и остановился у старинного особняка. Когда-то здесь находился Институт леса. Институт сменил местожительство, переехал на Серебрянку, а усадьба с заповедным парком осталась. Багаев тронул калитку... Теперь он стоял в окружении деревьев-великанов. Березы и сосны лет под девяносто, за ними тянутся — и догоняют их — исполинские тополя Яблокова. Там, где сосны, — будто темное облако. А тут светлый хоровод берез. Сообща березы, сосны, липы, тополя закрыли своими могучими кронами небо, гудят где-то на большой высоте вершинами.

Вот и домик, где в тридцатые годы жил Яблоков. На том окошке стояли банки с черенками тополя. Получал их Александр Сергеевич с Украины, скрещивал с морозостойкими тополями Башкирии, а выращивал уже в Подмосковье. Работал методами, какими пользовался и Мичурин...

Как немыслимо «бежать» по Третьяковке, так и непростительно обозревать Ивантеевский дендрарий с высоты птичьего полета или, скажем, разгуливать по нему, ища тенистый уголок или щедрую зелень лужайки. Всякое дерево достойно уважения, но ивантеевские деревья и кустарники заслуживают того, чтобы перед ними, образно говоря, сняли шляпу. Хотя бы потому, что это деревья будущего.

Неброские на вид, особенно для непосвященного человека, они стоят того, чтобы вы остановились перед ними, вгляделись, поразмыслили, прикинули, сколько труда положено селекционером, прежде чем дерево пустило здесь свои корни.

Багаев, разумеется, не спешил. Проваливаясь в снег, он шел по дендрарию без дороги. Благоговей, глядел на диковинные растения, многие из которых — с не существовавшими никогда ранее формами и красками.

Каменная береза. А вот береза с черным гладким стволом. Пихта голубая. Ель змеевидная. Куртина причудливых кленов. Кедр на сосне. Американская сосна, привитая на русскую. Тополь Яблокова: лист осиновый, ствол и кора тополиные, а форма узкокронная, пирамидальная.

В Ивантеевке акклиматизировано триста восемьдесят древесных и кустарниковых пород Северной Америки, Дальнего Востока, Сибири, Средней Азии, Кавказа.

А. С. Яблоков рассказывал Багаеву: «Тут в тридцать шестом году был пустырь. Ну, мы пришли, стали закладывать лес. Ви-

дим — без сторожа не обойтись... А сейчас вход, как видите, свободный. Да и у кого поднимется рука на красоту?»

Мы настолько привыкли к разрушительной работе человека в природе, что, честное слово, приятно видеть созидание. Ведь человек испокон веку приучен к мысли: лес сам по себе растет, и наше, мол, дело — рубить его. А тут люди лес сажают — не яблони или вишни, а дикий лес.

Сергей Николаевич с радостью узнавал костромские деревья и кустарники. Вытащил их из провинции на „великосветский раут“ энтузиаст и непоседа Яблоков. И что же? Здесь, в блистательном окружении, они заняли достойное место, составили, можно сказать, целую главу в истории Ивантеевки.

Вот эту березу академик выкопал в лесу под Шекшемой и привез сюда. Тут сухо, потому она и растет хуже, чем на родине. Багаев разгреб снег и ошупал массивную черную луковицу — кап.

Костромская узорчатая береза, привитая на обыкновенную подмосковную, чувствует себя как дома — стала плодоносить и, судя по внешности, проявляет особенности карельской березы.

Эти елки разных форм тоже — костромские... Но подлинная королева на этом смотре деревьев — шарьинская исполинская осина из 27-го клона, замечательная находка Александра Сергеевича. Было это в далеких уже тридцатых годах. Вряд ли кто сможет припомнить подробности первых путешествий Яблокова в костромские леса. Но зато последняя поездка в Шарью в памяти.

Переpravляясь через Ветлугу, престарелый ученый шел по скользким бонам, рискуя в любую минуту сорваться, и не переставал шутить.

— Вот утопишь академика, — выговаривал он Багаеву, — придется ответ держать.

Выбрались на берег. Никакого транспорта. Тронулись пешком под мелким осенним дождем по вязкой дороге. Через пять километров — навстречу лошадка.

— За вами, Александр Сергеевич! — обрадовался Багаев.

Приехали к леснику и вместе с ним сразу же отправились в места, знакомые Яблокову еще с тридцатых годов.

Академик вернулся, переполненный впечатлениями. Купил в магазине банку консервов, хлеб и, пригласив попутчиков, с аппетитом стал есть. Усталости — как не бывало. За столом разговорился:

— Я ведь думал, тут пустыня уже. Помню эти места вырубленными, опустошенными. А сейчас какие осины и березы поднялись! Вымахали-то как!

Шарьинская осина для Александра Сергеевича имела особую ценность. Не случайно рядом с клоном 27-м он смастерил скамейку, на которой любил отдыхать. Поработав всласть, он садился на бе-

резовые жерди. Отдыхал нож для прививок — отдыхал и его хозяин. А над головой приветливо шумела осина, вывезенная Яблоковым из шарьинских чащоб Золушка, которая здесь, в Ивантеевке, была признана принцессой.

Менее всего Яблоков был похож на кабинетного ученого. Плотная, коренастая фигура. Открытые солнцу шея и грудь. Обветренное, задубевшее лицо, с которого даже зимой не сходил загар. Красные, мозолистые, вечно перепачканные землей руки. Подставив лицо теплему ветру, полузакрыв глаза, он слушал милую болтовню осин. А кругом, насколько хватит глаз, тянулись к солнцу его, Яблокова, гибридные тополя.

...Между тем день угасал. Багаев направился к выходу. На втором этаже лаборатории генетики увидел свет: кто-то, несмотря на воскресный день, работал.

Стараясь не шуметь, Багаев по гулкой лестнице поднялся вверх. В одном из кабинетов нашел Раису Федоровну Кудашеву. В валенках и простой фланелевой кофточке, она выглядела совсем по-домашнему. Пышные с проседью волосы. Белые ровные зубы. Смеется:

— Много орехов ела!

Весь кабинет заставлен ящиками с орехами фундука. О, это не совсем обычные орехи! Жирность лакомого ядра вдвое выше нормы — доходит до шестидесяти процентов. Скорлупа — тончайшая. Рассказ Раисы Федоровны об орехах — поэма.

Слушая, Багаев думал о самоотверженности этой женщины. Три дня не выходит из кабинета, обрабатывая материал. Спит на старом кожаном диване. Унаследовала от своего учителя не только его методы гибридизации, но и бойцовский характер.

Простившись с Кудашевой, Багаев направился к Яблокову. Он хорошо знал тихую окраинную улицу вдали от сверкающих огнями проспектов, финский летний домик, окруженный лесом.

Александр Сергеевич, в белой рубашке с распахнутым воротом, сидел на мягком диване, сложив руки, высоко подняв мохнатые седые брови — вылитый баснописец Крылов. Внимательно слушал гостя, изредка кивал головой. А потом раздумчиво сказал:

— Это вы правильно, Сергей Николаевич, заметили: работа лесовода — одна из самых гуманных. Но как мало успеваем мы сделать! Вот Ивантеевка. Вся жизнь ей отдана. А не густо! — Яблоков прищелкнул языком. — Ах, милый мой Сергей Николаевич! Это только опушка. А в моем воображении встает лес, созданный человеком. Люди должны научиться выращивать леса. Им придется это делать так же, как они растят хлеб или разводят скот. Лес, подобно земледелию, может идти с повышением урожайности. Пора менять стандарты в нашем лесном деле! Надо завести лесные севообо-

роты. А что получается? Жарят сосну по сосне, елку по елке, и, когда спрашиваешь иного убранного сединами и прочими атрибутами лесника, он говорит чушь: береза, мол, и осина — бросовые породы. Нет, дорогой, все породы ценны. Если выращивать их здоровыми, то вполне возможна смена пород. Целесообразны смешанные леса. И конечно же, нам, лесоведам, нельзя без опытов на земле. Представьте: если бы не было Ивантеевки, не было бы и меня как ученого. А вот когда за окном шумит лес... — Яблоков прикрыл ладонью глаза и замолчал, прислушиваясь.

За окном, действительно, шумел лес — миниатюрный дендрарий, выращенный Александром Сергеевичем на приусадебном участке. Деревья — в три яруса. Первый ярус: по одному экземпляру от всех выведенных селекционером сортов тополя. Здесь и березы — капокорешковая, костромская узорчатая, привитая на подмосковную, лиственницы, осины, в их числе и шарьинская исполинская. Второй «этаж» образовали гибриды орехов, рябин, наиболее ценные сорта плодовых, отобранные Яблоковым в Уссурийской тайге. На отдельных корнях — до семнадцати сортов. В третьем ярусе — сирени, с десяток сортов, черная лесная смородина, другие кустарниковые. Породы подобраны так, чтобы воссоздать атмосферу леса, вплоть до лесной подстилки, И замысел удался. Финский домик окружал настоящий лес. «В таком лесочке, — подумал Багаев, — и грибы могут быть!»

Однажды он спросил академика:

— Почему мало плодовых деревьев у вас на даче?

Яблоков его тут же атаковал:

— А кто сказал, что яблони и вишни полезнее лесных пород? Придет время — люди станут отдавать предпочтение лесу и будут иметь возле своего жилья набор разных лесных пород. Лесные деревья и кустарники выделяют фитонциды. Эти летучие вещества уничтожают вредные микробы. Не за горами время, когда медики придут на поклон к лесоведам: «Создайте фабрики здоровья — насадите и вырастите леса!»

«7 сентября 1965 года.

Спасибо за добрые пожелания мне скорого выздоровления. Врач сказал, что придется пробыть в больнице не менее месяца.

...За хороших производителей надо держаться! Обязательно добейтесь в тресте их поощрения — в приказах и премиями. Это очень важно для будущего развития работ.

Таким образом мы будем растить коллектив лучших, передовых людей в леспромпхозах. А это обеспечит и победу новых идей и методов.

Ваш ЯБЛОКОВ».

«17 июня 1966 года.

С радостью узнал, что Вы начали нужную исследовательскую работу по изучению форм ели и по разработке способов ее прививки. С этими исследованиями мы, к сожалению, здорово запоздали. И это потому, что в свое время В. Н. Сукачев опрометчиво выступил с мнением о том, что селекция ели как породы медленнорастущей мало перспективна. А вот оказывается, по Вашим наблюдениям, что даже в Костромской области она является быстрорастущей породой. Я этому очень обрадовался. Продолжайте свои исследования и отбор быстрорастущих форм ели, учитесь их быстрее размножать вегетативно. А затем — отдаленная внутренняя и межвидовая гибридизация — ель снова станет одной из особо ценных пород.

А резонансовая ель!

Какие изумительные деревья ели сибирской я видел на Урале! Обязательно выпишите из Свердловска семян, посейте и займитесь ею попутно с елью обыкновенной в Костромской области.

Но ни в коем случае не оставляйте ни березы, ни осины! Продолжайте и развивайте их экспериментальное изучение и опыты по выведению и размножению новых ценных их сортов. Главное — эксперимент, постановка длительных опытов, которые лучше будут убеждать производителей, чем книги и доклады в аудитории. Да кроме того, создайте под Костромой постепенно экспериментальную базу по селекции, семеноводству и разведению новых сортов лесных пород и декоративных деревьев. Пусть там в результате Ваших трудов вырастет лесопарк, подобный ивантеевскому дендрарию и селекционному питомнику.

...Жаль, если уйдет главный лесничий Костромского лесхоза Е. Н. Грязев — он человек пыливый, думающий, и ему надо помогать в опытных работах. Таких специалистов у нас не так уж много, и ими надо дорожить».

АНДРИАНОВСКАЯ РОЩА

Не хотелось выходить из автобуса в грязь, темень, зябкую сырость. Может быть, потому так быстро пронеслись городские кварталы, и чей-то голос сказал непривычно резко: «Клумба». Это остановка за городом. Я остался наедине с ночью.

Кругом разлита недобрая темнота. Скользя, падая, не узнавая знакомой дороги, я почти бежал. Впереди — огонек, робкий, красный, как у папирасы. Казалось, он мог потухнуть в любую минуту. Огонек действительно пропадал, но на короткое время. Это, как я догадывался, подшучивали надо мной деревья. Наконец перева-

лился через придорожный ров, ступил на тропу. Заливистый лай собак. Негромкий окрик за дверью:

— Кто там?

Избушка как избушка. Пусть и полумрак, и потолки низкие — укрыться от непогоды можно. В свете керосиновой лампы — связка лука, кадка, широкая железная кровать, занимающая ровно половину избы. На столе — потрепанные книжки, батарейки, сахарница.

Старик не жаловался на житье:

— Только вот свету нет — аккумулятор отвез на зарядку, а так ничего... Раз в неделю приходит жена. На „Красной маевке“ работает.

Ели сало с чесноком. Пили чай с перебродившим вареньем. Затем старик накормил собак, и стали укладываться.

Ночь, оглушительное тиканье допотопных часов. Не спалось. Да и мудрено уснуть на диване-коротышке с вонзающейся в бок пружинной. И вообще под этим низким потолком, в чаду керосиновой лампы, с ветром в окна: будто ударяет тяжелая темная волна. Я вышел. Тьма — хоть глаз выколи. Пронизывающая сырость. И... такая во всем неприкаянность.

Какого черта тут старик сторожит? Вон неподалеку в коллективных садах ни огонька — уехали в город. А город — рукой подать: электрическое зарево в полнеба. Теплый, живой, такой уютный город! Там у старика есть квартира. В новом доме за многолетнюю работу на „Красной маевке“ дали жене. Есть дочь — учительница. Есть пенсия. Какого же рожна он торчит здесь? И, судя по всему, собирается зимовать...

К утру — пол ледяной. Старик, как ни в чем не бывало, шумно пьет чай. По привычке приглаживает волосы, которых — увы! — давно нет. Закон времени. Некогда пышный русский чуб остался на фотокарточке. Человек стал ниже росточком. Выцвели голубые глаза. Отяжелел шаг. Но ядро человеческое крепкое. И ядро это — доброта.

Семящей походкой Константиныч спешит в березовый лесок. Он тут, рядом, у порога, надо только пробежать шаткий и скользкий мостик, перекинутый через заводь. Гребень насыпной дорожки, мост, сама заводь, не говоря уж об избушке на курьих ножках, — все рукотворное. Впрочем, и лес не натуральный — сажены, молодой. Только и поглядеть на строгие ряды, взбежавшие на пригорок, а так... ни ствола, ни пышности кроны, ни белизны воспетого дерева.

Однако хозяин иного мнения. Послушать его, так нет и не было в нашей лесной стороне леса достойнее. Он окидывает посадку восхищенным взором:

— Какой лес вырос! И первый знак леса — грибы. Прошлый

год были. Правда, немного. А нынче больше. Серые. Изредка борoviceчки. И даже два белых попались.

Проваливаясь по колено в подснежные лужи, он неумоимо шагает по роще. Не ленится нагнуться — толстыми, непослушными пальцами с обломанными ногтями бережно берет ветку.

— Прижила-а-ась. — Щупленький, суетливый, в несуразно большом вытертом полушубке и лохматой шапке, Константиныч метнул из-под нависших бровей хитрый взгляд: — У березки-то корешок... витой.

На выезде из Костромы рядом с Сушевским трактом находились земли, которые принадлежали городу. Город от них отказался. Передали лесхозу в надежде, что сумеет придать этим землям божеский вид. Но и лесхоз медлил. А тут подвернулся человек, страстно желающий иметь в своем распоряжении кусок земли. «Пользуйся», — сказали. Человек с присущей ученому вежливостью стал благодарить. «Чего уж, — сказали, отводя взгляд, — бери...»

Багаев приехал, посмотрел... Долго стоял в раздумье. Свалка! Ковырнул землю: песок, булыжники. Единственное утешение: ручеек змеится по низине.

Осенью шестьдесят третьего года пришел трактор с прицепным плугом. Прицепщиком сидел Багаев. Вспахали, продисковали. С весны приступили к посадке. Везли из леса с комьями земли березки двух-трехлетнего возраста, высаживали. А потом на эти березки прививали черенки карельской березы. Была у Сергея Николаевича Багаева мечта: создать плантацию. Вот и собирал с миру по нитке.

Ездил в дальние края. Сам отбирал в карельском лесу деревца, с великими предосторожностями вез домой. Остальное пришло по почте из Подмосковья, Белоруссии, с Урала, из Сибири. Так составила единственная в своем роде коллекция узорчатых берез.

У каждой свой «нрав». Узорчатая из Карелии плохо растет по сравнению с нашей, костромской. Подмосковная болеет, приходится нянчиться с ней. Бывает, из гибридов вырастают деревья-кустарники, но с очень красивой текстурой древесины. Есть и древовидная узорчатая — растет прямо, как сосна. Вот она представляет большую ценность: быстрее растет и больше дает древесины с художественной текстурой.

Замысел был простой. На клочке костромской земли пустили корни, зашумели листвой пришельцы из разных почвенно-климатических зон. Пусть же соревнуются на жизнестойкость, на быстроту роста, на качество древесины. А потом можно взять самые ценные деревья, размножить их, заложить промышленные плантации. Тогда народные умельцы получают прекрасный художественно-декоративный материал.

Узорчатой березы осталось в лесах очень мало. Даже в Карелии всего пять тысяч деревьев. Каждое на учете, строго охраняется.

Первая плантация узорчатой березы далась нелегко. Только на отработку разных способов прививки ушло пять лет.

Сергей Николаевич приезжал домой, в Кострому, расстроенный: место вольное — посадки уничтожались.

Да и кого могла разжалобить неказистая рощица на месте бывшей свалки, рядом с бойким и пыльным Сушевским трактом? Кому из прохожих, проезжих могло прийти в голову, что за ребристой, мелкобугорчатой поверхностью ствола еще юного дерева спрятан живой мрамор, что срубленная на веник березка со временем могла стать дивной вазой, блестящей, будто прозрачной, с красивым узором шкатулкой, модной брошью — короче, изделиями, которым нет цены? Все, кому не лень, брали по пруту. Иные выдирали с корнем, мяли колесами машин, скармливали скотине (кругом паслись стада), заваливали по старой привычке мусором. Не каждый еще научился уважать чужой труд, ценить природу.

Всякий раз при виде очередного разорения Багаев чувствовал себя разбитым. Но, видно, крепко сидела в нем вера в свой дикий сад — на другой день вместе с женой Маргаритой Васильевной опять ехал за город, в сушевскую рощу. Подсаживали, поливали (пригодился ручеек), рыхлили приствольные круги. Ну и, само собой, делали прививки.

Как-то по весне вместе с ними трудился в роще Николай Константинович Андрианов, пенсионер. Дел было по горло, пора горячая, вот и взяли помощника — на недельку-другую.

Константиныч привычно махал косой, вызволяя из плена прошлогодней травы тонкие прутья. Сам же с интересом глядел на Багаевых. Вначале показались они чудаковатыми. Потом как-то сразу и безоговорочно полюбились.

Черный, как грач, сухой, подвижный, в рыжих сапогах, Багаев меньше всего походил на ученого. Под стать ему Маргарита Васильевна, загорелая, в тяжелом плаще, сапогах. Обычные рабочие леса. За весь долгий майский день едва перекинутся словом. Понимают друг друга по взгляду, движению руки. С утра воткнутся, как муравьи, — и до самой темной ночи. А припустит дождь, бегут к мосточку, благо дорога рядом — прячутся.

Глядел, глядел Николай Константинович и говорит:

— Сделаю вам шалашку.

— У нас денег нет.

— Ладно. Без денег обойдемся.

Было у Константиныча выписано пять кубометров сухостоя. Да Багаевы выписали три. Привезли, и Константиныч срубил избушку.

— В эту зиму я уже не уехал. Хотя и печки не было... Дождался, когда уляжется снег, настрогал из наста белых кирпичей и выложил стенку. Ну, а весной и горе побоку. Через ручеек перекинул мост, сделал дамбу небольшую: образовался у меня пруд. Утки жили здесь, как дворняжки, все лето. Два-три выводка было. Капа, жена моя, насыплет на мосток корму — наедятся и опять поплывут. Карасей бросал в пруд. Налимы есть, щуки заходят... В прошлом году какие морозы стояли — жил. Правда, печку по два раза топил. — Константиныч тронул меня за рукав: — Понимаешь, жалко стало трудов. Труды были, ох, какие тяжелые. И нужен им постоянный присмотр. Это в лесу самородная вырастает, а тут надо оберегать. — И спокойно, почти равнодушно добавил: — А насчет оплаты... она мне не нужна. Получаю пенсию — хватает. У меня радость — лесок растет!

На все лады расписывал в то утро Константиныч красоту, в сущности, невзрачных деревьев. И без труда верилось: такой сторож защитит рощу от любых напастей.

«26 февраля 1967 года.

Я получил сейчас такие новые материалы по использованию древесины осины в строительстве, что мы с Вами, Сергей Николаевич, можем лишь порадоваться: скоро древесина осины станет такой же ценной (а быть может, еще более ценной), как и древесина дуба. И понадобятся энергичные меры к тому, чтобы серьезно, планомерно и в больших масштабах развернуть работы по воспитанию здоровой деловой осины.

Ваш ЯБЛОКОВ».

«24 апреля 1967 года.

Мы все делаем одно полезное дело — и должны работать дружно и уважать труды друг друга. А если у кого-либо из нас окажется прореха, то указать на это, но дружески. Я думаю, что этого надо добиваться и в работе, жизни Костромской лесной станции».

«17 мая 1967 года.

Очень хорошо, что Вы взялись за размножение лучших клонов и создание на них маточных семеноводческих участков. Чтобы расширить эту работу, надо сколотить обязательно актив из специалистов производства, подобрав энтузиастов вроде бывшего главного лесничего Костромского лесхоза Е. Н. Грязева. Где он теперь?

Сергей Николаевич, рассчитывать на увеличение штатов на станции сейчас невозможно. А вот обрести активом из производственников совершенно необходимо — без них мы ничего особо полезного не сможем сделать! Надо добиваться включения

наших работ по опытам в производственные планы. И сначала — в нескольких (но с надежными людьми) лесхозах, а потом, когда дело привьется, расширять число участников. Это подтверждает мой опыт по сортообновлению тополей: начинал я его осуществлять в пяти лесхозах, а теперь в РСФСР он претворен в жизнь уже в 44-х!

Занимайтесь всеми ими: елью, осиной, узорчатой березой! Увлекайте специалистов производства — создайте в области актив из них и помогайте им расти на этой работе. С ними можно „горы свернуть“!»

ЛЕС — НЕ НА ЗАМКЕ

По этому случаю он даже отказался обуть сапоги. Мягко, деликатно отвел все просьбы жены Евдокии Ивановны надеть пальто и обуться как следует. И теперь имел несколько щегольский вид: новый костюм, полуботинки, перекинутый через руку плащ. Впрочем, никто, даже Евдокия Ивановна, не посмел бы осудить его за это непростительное для лесника щегольство: человек возвращался в свою молодость — ехал осматривать леса, посаженные им собственноручно сорок лет назад.

Когда подъезжали к Караваеву, Грязев, до того сидевший тихо и смиренно, высунулся в окно:

— Вон те леса пойдём смотреть! — И показал на синеватый за Караваевом лес.

Но вот спешился — и растерялся. Присел на лавочку. Провел рукой по белым вихрам. Уж больно много перемен на караваевской земле.

Шел я рядом, искоса поглядывал на Евгения Николаевича и видел на лице его то свет, то тени. Его состояние мне стало понятно, когда он сказал:

— Как не радоваться Караваеву: наша костромская гордость... Но я о своем болею. — И в оправдание ткнул себя в грудь: — Лесник я.

С трудом узнает Евгений Николаевич знакомые места. Тут, хорошо помнит, была речушка. Где она? От старого соснового бора, что примыкал к Караваеву, осталась только куртина.

Мы выходим на поле. По нему, пыля, снуют комбайны. Не было тут раньше никакого поля. Грязев грибы собирал здесь, белые. И стояли царственные сосны — до самой речки Теткиш.

— А большой кусок отхвачен, — вслух раздумывает Евгений Николаевич. — Сотни две гектаров, не меньше.

Вот оно, противоречие века. Разве не благо эти многоэтажные дома, асфальт улиц и площадей, отличные дороги с беспрерывным сверкающим потоком машин? Разве не благо это поле с бога-

тырским овсом, раскинувшееся сразу за микрорайоном? Один за другим плывут по ниве мощные ярко-оранжевые комбайны. Из бункеров в кузов самосвалов льется золотое зерно. Во всем угадывается ритм и размах XX века.

Но есть у прогресса и другая сторона. Строительство, при его нынешних масштабах, не проходит бесследно для природы в ее, так сказать, первозданном виде. Даже в Караваеве, которое по сравнению с другими окраинами Костромы выглядит зеленым парком, дает себя знать необратимый процесс наступления человека на природу, в частности на лес. Не выдержав натиска, лес отступает, а местами исчезает совсем.

К счастью, есть Караваево. Садимся на рейсовый автобус и спустя тридцать минут мы уже за городом, в лесу.

Кого же первым делом встречаем? Медведя? Волка? Ничего подобного. Лес, оказывается, густо заселен такими же мирными существами, как мы с вами. Тут запросто встретишь соседа по лестничной площадке.

Люди кругом больше интеллигентные: караваевские студенты, пожилой человек в пенсне, бабушка с внучкой. Как не похожи они на тех „любителей природы“, которые ведут себя в лесу, подобно мышам в кладовке: тащат все, что под руку подвернется, лишь бы набить багажники.

Наши новые знакомые довольствуются глотком целебного воздуха, мгновением зеленой тишины — ничего другого здесь им не нужно. Да и что из лесных даров может сравниться с самой возможностью просто побывать в зеленом храме природы, здесь, в старом караваевском лесу, где сосны — одна к одной — образуют колонный зал, где царит благостное спокойствие, откуда небо кажется таким высоким и чистым.

Нет, люди едут и идут в караваевский лес не за малым — вроде корзинки ягод или кукана с окунями. Им нужно неизмеримо большее: здоровье, бодрость, сопричастность всему живому на земле, наконец — творческое вдохновение. И лес, слава богу, пока в состоянии удовлетворить их.

Вот о них, обычно „безлошадных“, и тревога моя, читатель. Об автомобилистах что беспокоиться — им ничего не стоит сгонять, скажем, в соседнюю область или даже в иной географический пояс. А как быть с теми, кто такой возможности не имеет?

Лишить их леса не составляет труда. Вы думаете, старый караваевский лес без конца и без краю? Ошибаетесь. Смотрите — вон просвет между соснами.

Всего в двухстах шагах, сразу за „колонным залом“, образовался бы провал, обрыв, пропасть, если бы на помощь природе не пришел человек.

В разное время вокруг Костромы на значительных площадях были вырублены леса. В большинстве случаев — по острой необходимости. Стройки первых пятилеток нуждались в древесине, топливе. Потом грянула война, и лес-батюшка по-своему работал на победу: согревал столицу.

Когда старший лейтенант Грязев вернулся с фронта, он увидел глубокие раны, которые успел нанести топор зеленой зоне города. На месте прекрасных боров — картофельники, пустыри. И сжалось сердце, и руки сами потянулись к земле — врачевать, залечивать ее кровоточащие раны.

Он спешил. Он очень спешил — не забывал: дерево растет медленно: чтобы поколение, испытавшее войну, дождалось новых лесов, закладывать их надо немедленно, сейчас. А что пришло время сажать леса, и не где-нибудь в степи под Ростовом, а у нас, в южной подзоне тайги, он уже не сомневался. Слишком велик был нажим человека на природу, особенно вблизи бурно растущей Костромы, — нельзя было надеяться на самовосстановление леса. Спасение в том, чтобы те самые руки, которые столь прилежно рубили лес, с не меньшим усердием теперь сажали его. Или — или... Третьего не дано. И Грязев взялся за дело.

Конечно, он был не один. Коллектив Костромского лесхоза дружно принялся восстанавливать зеленое кольцо вокруг города.

Да, дерево растет медленно — сорок лет сосне, а она толщиной всего в руку. Однако леса Грязева — уже не мечта, которая, как известно, не всегда сбывается; даже не проект, пусть продуманный до мелочей, — мало ли хороших проектов остается на бумаге. Леса Грязева — реальность. Они стоят на земле, шумят, радуют глаз, да что говорить — эти леса просто дают нам, жителям Костромы, дышать!

Все посадки вокруг города по Галичскому, Кинешемскому, Красносельскому, Сушевскому трактам, в районе Красной Байдарки, Первомайского поселка и за Волгой — его, Грязева. Ставилась задача — окружить Кострому двадцатикилометровой полосой.

Космынинское лесничество было вырублено в военную пору полностью. Сейчас оно восстановлено. А всего за время работы Е. Н. Грязева лесничим посажен и выращен лес на площади более четырнадцати тысяч гектаров. Большая часть посадок уже сформировалась во взрослые насаждения.

...Лесокультуры можно сразу отличить, потому что они — рядами. Спрашиваем, как пройти на кордон Бор. Незнакомые люди объясняют. Грязев слушает с виноватой улыбкой. Ведь было время, знал он эти места как свои пять пальцев. А сейчас...не узнает: кругом лес. Но хотя и наугад — даже можно сказать, на ощупь — упрямо продолжает идти, ускоряет шаг.

Внезапно лес расступился, и через поле мы увидели желтую стену в полнеба. Лиственницы! Выглянувшее из-за тучи солнце ударило по ним, подожгло сверху донизу. По правую руку осинник, по левую — светлый хоровод берез, а прямо перед нами — могучий строй лиственниц. Здравствуй, племя младое!

Вот он, рукотворный лес. Подойди ближе, вслушайся в верховой шум, проведи ладонью по стволу, нагретому солнцем, — ты почувствуешь живое.

Проходят люди с корзинками — тихая охота в разгаре. С недоумением смотрят на нас: в такой день в таком лесу и без корзины?

Чем дальше мы бродим по рукотворному лесу, тем очевиднее для меня: при всей внешней похожести на обыкновенный, то есть дикий лес (и подлесок, как в естественном лесу, — из березы, клена, рябины, крушины; и травянистый покров тот же — из разнотравья; и грибочки водятся — маслята, сыроежки в основном), это постройка, умная человеческая постройка. Налицо — замысел, теоретическое обоснование, необходимые расчеты, наконец — рабочие приемы.

Взять хотя бы материал, из которого сделана постройка. Лиственница в костромских лесах встречается весьма редко — отдельными деревьями. Значит, человек приложил руку к тому, чтобы сибирская красавица заняла под Костромой многие десятки гектаров. То же самое с кедром сибирским, голубой или серебристой елями, туей, маньчжурским орехом, целой дюжиной тополей: Советским пирамидальным, Душистым, тополем Максима Горького, Пионером, Ивантеевским, тополем Яблокова и иными.

Много и других следов умного хозяйствования в рукотворном караваевском лесу. Лес пройден рубками ухода. Приживаемость сосны, видно, была хорошая: полнота насаждения (густота стояния деревьев) — около единицы. Местами посадки сосны дополнены елью. Проведено очередное прореживание: удалялись деревья, мешающие росту основного древостоя. Расчет такой: сейчас на гектаре пять тысяч деревьев, но к зрелому возрасту, к восьмидесяти годам, останется не более тысячи стволов сосны. Зато стволы будут в 26 сантиметров на уровне груди человека и высотой более 25 метров — с девятиэтажный дом.

Одним словом, это прообраз культурных лесов с заданной программой. Программа может быть различной. В одном случае надо заложить лес, который поскорее дал бы возможно больше древесины. В другом — необходим лес с максимумом целебных свойств. Уже в недалеком будущем широко станут применяться выведенные селекционерами новые породы, удобрение леса, борьба с его вредителями. Все будет направлено на повышение продуктивности будущих лесов.

Если сегодня в наших естественных древостоях годичный прирост древесины составляет не более одного-двух кубических метров на гектар, то в „программных лесах“ планируется получение восьми — десяти кубических метров.

Но отвлечемся от конкретных материальных выгод, попробуем взять предмет шире — в социальном, морально-этическом плане.

Что греха таить: мы привыкли разговаривать с природой на „ты“: „Отдай!“, „Посторонись!“, „Потеснись!“ Мы берем из ее кладовой, не считая и меньше всего заботясь о том, чем пополнится эта кладовая и пополнится ли. Наша безудержность особенно проявилась в лесных делах: топор не знал отдыха. Наверное, по той причине, что крепко в каждом из нас сидит убеждение, унаследованное от дедов и прадедов: лес сам по себе растет.

И вот мы видим прямо противоположное: человек выступает не в обычной для него роли промысловика, а создателя природных богатств. При этом человек не просто врачует землю, восстанавливает разрушенное, а творит новые, еще не виданные формы жизни природы.

Грязевские леса интересны и ценны прежде всего тем, что они посажены человеком. К тому же Евгений Николаевич не просто старался облесить все свободные места под Костромой — пустыри, гари, вырубки и овраги, — но и думал, как сделать будущий лес богаче. Посадки облагорожены человеком. Наконец, здесь ставятся интересные опыты: леса Грязева превратились в лабораторию творчества.

Еще одно обстоятельство, крайне важное. Всю жизнь сажая и выращивая леса, Евгений Николаевич заботился о выполнении и перевыполнении производственного плана — действовал не сам по себе, а осуществлял волю нашего государства. Грязев своими рукотворными лесами утверждает принципиально новое, подлинно коммунистическое отношение человека к природе, которое нашло столь яркое отражение в новой Конституции СССР.

Есть грязевским лесам и такая мера: человек отдал им свой ум и сердце — с полным правом мы можем назвать их детищем человека.

Как же бережно мы должны относиться к этим лесам!

Трудно представить, что на участок семенной пшеницы заехал самосвал с мусором и... разгрузился. За ним — другой самосвал, третий. В общем, пшеничное поле превратили в свалку. Трудно представить, что на поле, где не убран хлеб, пустили бульдозеры и построили там, скажем, автомагистраль. Ох и не поздоровилось бы такому шоферу или строителю! Впрочем, у него у самого не поднялась бы рука на хлеб насущный.

Но почему легко подымается наша рука на лес?

Когда Грязев взялся за восстановление лесов под Костромой, он в разных местах заложил семенные плантации сосны, ели, лиственницы и кедра. Под Космынином, например, появился многогектарный участок кедра сибирского, а на выезде из областного центра по Судиславскому шоссе — плантации сосны.

Делалось это вот из каких соображений. Приживаемость лесокультур, выращенных из семян своего сбора, лучше, чем из привозных семян, полнее проявляются наследственные свойства деревьев. Однако собрать семена очень трудно и дорого.

Прежде всего: их нужно много. Для закладки гектара лесокультур — полтора-два килограмма семян. А если вести работы в таких масштабах, в каких вел Костромской лесхоз — до тысячи гектаров в год, — то ежегодная потребность достигает тонны семян. Чтобы их получить, нужно собрать сто тонн шишек; если представить объемом — две с половиной тысячи мешков.

Как наполнить эту уйму мешков? Шишки, особенно у елки, наверху, на высоте двадцать — двадцать пять метров. Что прикажете делать? Дерево рубить нельзя, универсальных приспособлений для сбора шишек не придумано. Сборщику лесных семян, видимо, надо приобретать вторую специальность — верхолаза. Иначе он уподобится кумушке-лисе из басни Крылова: хоть видит око, да зуб неймет!

Думал, думал Грязев — и придумал. Обезвершинивание. „Наладить сбор шишек там, под облаками, вряд ли удастся, — рассуждал он. — Зато можно снизить кроны, приземлить их. Тогда взять шишки проще. Более того, можно механизировать сбор“.

С этой целью по Судиславскому тракту и были заложены культуры сосны. В восьмилетнем возрасте Грязев обрезал верхушки деревьев на высоте полутора метров. От мутовки пошло несколько стволов.

Результат превзошел все ожидания: образовалась отличная семенная плантация. Теперь, когда сосны начали плодоносить, они выглядят совсем необычными: как яблони стоят раскидистые! Четыре-пять стволов вместо одного. Объем кроны — более восьми метров в диаметре. Высота же не превышает шести метров.

Урожай семян в несколько раз больше обычного (у кедра, к примеру, наибольший урожай семян при семи вершинах). И вместе с тем легко взять эти семена. Тут и механизацию можно пустить, как в саду. Я много слышал об этой удивительной плантации и попросил Евгения Николаевича показать мне ее.

Однако стоило нам приблизиться к посадкам, как я пожалел о своей просьбе. Мне было стыдно перед Евгением Николаевичем... стыдно за тех из нас, которые оставляют на земле такие следы. Я негодовал на себя за то, что привел его, семидесятилетнего,

с больным сердцем человека, на это великое разорение. Семенная плантация была, можно сказать, превращена в свалку. Везли сюда все — от негодных железобетонных плит и битого кирпича до обрезков горбыля. И разгружались бесцеремонно, прямо под соснами.

Местами лес погиб полностью, местами выжил, но вот уже несколько лет не дает прироста — следствие пожара. Откуда же взялось истребительное пламя?

От спички. От чьей? От нашей с вами, читатель. Потому что вы, как и я, каждую субботу и воскресенье отправляетесь отдыхать в караваевский лес, в живописные овраги близ Красной Байдарки, на Козловы горы, на речку Кубань, в сосновый бор, что по соседству с заводом «Красная маевка», — и, естественно, оставляете после себя следы.

Не будем брать так называемых „мелочей“ — сломанной ветки, разоренного от нечего делать муравейника или птичьего гнезда, груды консервных банок или битых бутылок. Бывают куда более серьезные „шалости“.

Давайте вспомним: это по нашей вине в лесопарке имени 50-летия Октября сгорело полтора гектара отличного сосняка; около деревни Самсонки по Волгореченскому тракту полностью уничтожено ценнейшее месторождение карельской березы — сто пятнадцать деревьев срубили на поделки местные доброхоты; безжалостно растаскиваются липовая и лиственничная рощи в новом микро-районе Юбилейном; изуродованы ели, которыми обнесена плантация узорчатой березы Костромской лесной опытной станции.

Есть и другая сторона этой проблемы. Мы воюем за каждое дерево, срубленное на улице, где живем. Но мы совершенно равнодушны к тому, что творится в наших пригородных лесах, особенно если хозяйничает там какая-нибудь контора. Тут мы преобразуемся до неузнаваемости: узнав, что лес сводит не браконьер-одиночка, а контора с собственной громкой вывеской, буквально замираем. И делаемся абсолютно слепыми, не видим уже ровно ничего: ни обескровленных вырубками лесопосадок, ни загрязненных водоемов, ни отхваченных у пашни — нашей кормилицы — десятков, а то и сотен гектаров под гаражи, мастерские, склады. Видя сие браконьерство (надо называть вещи своими именами), мы успокаиваем себя тем, что все это, мол, делается на законном основании.

Насколько проблема жизненна и государственно важна, можно судить по таким фактам: сейчас на крупнейших стройках индустрии есть специалисты по охране окружающей среды, в высших учебных заведениях Союза открыты новые факультеты, готовящие этих специалистов.

Но защитников природы со специальным образованием пока

мало, да и не на всякую стройку их пошлешь. А строить нужно, и стройки разворачиваются не по дням, а по часам. Как же быть? Кто подскажет хозяйственнику вариант строительства с наименьшими потерями для окружающей среды — земли, леса, воды, воздуха?

Эту ответственной миссию, видимо, должно взять на себя Всероссийское общество охраны природы — одна из самых массовых организаций трудящихся. И оно в состоянии выполнить свою важную роль, ибо объединяет истинных любителей природы: людей беспокойных, честных, хорошо знающих свой край, близко принимающих к сердцу беды и радости нашего общего друга — природы. К тому же многие члены Общества — агрономы, биологи, лесные инженеры, деятели науки и культуры — обладают специальными знаниями. С кем, как не с ними, надо держать постоянную связь умным и дальновидным хозяйственникам, чтобы не наломать дров, чтобы избежать тех трагических последствий, к которым приводит неграмотное вмешательство в самый сложный механизм живой природы.

Но для всего этого надо считаться здесь, на местах, с отделениями Общества охраны природы. К сожалению, так бывает далеко не всегда.

В Костромском городском отделении Общества называют десятки фактов нарушения кем-либо из местных жителей закона об охране природы. Что же касается нарушений закона предприятиями и организациями — общество такими фактами не располагает. Не потому, что их нет вообще. Просто порядок вещей такой: Общество охраны природы ставят в известность в последнюю очередь. А то и вовсе не ставят. К чему это приводит, каждый из нас видел, наверное, собственными глазами.

...В растерянности, даже в замешательстве стоим мы с Грязевым посреди свалки на семенной плантации сосны. Впечатление такое, что солидные, уважаемые в городе предприятия, вроде передвижной механизированной колонны треста „Бурводстрой“, торгового предприятия „Океан“, специальной научной реставрационной мастерской, дорожного ремонтно-строительного управления горкомхоза, заключили между собой пари: кто быстрее сведет возрожденный лес и подарит городу новую пустошь?

Похоже, здесь намечалось строительство, хотя само по себе намерение строить хозяйственные дворы на месте уникальной плантации кажется более чем странным. Как бы то ни было, в руки некоторых городских организаций вложили топор. И тут они размахнулись... Трест „Бурводстрой“ со свойственной ему мощью понастроил дорог. Дороги разные: широкие, узкие — словом, на любой вкус. И еще примета: тщетно искать эти дороги на планах Пригородного лесничества. „Заслуга“ научной реставрационной

мастерской (золотом горят буквы на вывеске!) не меньше: она свела семенной участок лиственницы. Правда, оставила несколько лиственниц для личного пользования. Под ними — грибок, стол... посидеть, подумать, взвесить... Как-никак интеллектуалы. Дорожное ремонтно-строительное управление горкомхоза без всяких церемоний вырубил участок, где были прививки сосны на сосну. С чего начинается строительство, по мнению руководителей управления? Надо полагать, с искоренения ненавистного леса, хотя бы даже рукотворного. А когда начнется стройка и начнется ли — не столь важно.

Неудивительно, что кругом — картофельники и пустыри.

Спрашивается: а где был хозяин, Костромской горсовет? Выходит, у него под самым носом шкодили, а он не видел.

Нет, в лесном деле нужна своя рука. Может быть, в том же горсовете в лице бодрствующей комиссии по охране природы. Жизнь настоятельно требует, чтобы подобные комиссии в составе местных Советов были образованы. Они многое сделают, особенно в городах и пригородных зонах.

Ну, а как быть с нашим братом, любителем природы? Ведь не секрет: от нашего нашествия по выходным дням пригородные леса и рощи... тают. Зимой, например, к Малышкову через Волгу устремляются на лыжах тысячи костромичей всех возрастов. Возвращаясь, каждый второй увозит из соснового бора „на память“ увесистую ветку, а то и целую охапку, нередко с шишками. Потому и стоят сосняки за Волгой обглоданные, обезвершиненные. А что делается весной, когда зацветает черемуха? Летом? Осенью?

Видимо, мы плохо усвоили некоторые правила. А их необходимо знать, как таблицу умножения.

Вокруг любого населенного пункта есть или должно быть зеленое кольцо — так называемая запретная для вольного обращения с природой зона. Если говорить конкретно о Костроме, то вот границы такой зоны: от деревни Будихино (Ярославское шоссе) на север через Волгу на села Шунга, Яковлевское, затем речкой Ключевкой на деревню Молодеево, правым берегом реки Сендеги до деревни Малое Андрейково, отсюда через Волгу на устье реки Кубань, далее вверх левым ее берегом до притока речки Умываловки и затем вверх до исходной точки. Глубина зеленого кольца — примерно десять километров.

Границы запретной зоны определены решением Костромского облисполкома от 27 декабря 1972 года. И далее черным по белому: «В этом кольце запрещается рубка, порча, изменение видового состава растительности, кроме мероприятий по уходу; запрещается возведение построек, прокладка новых дорог, возведение линий электропередачи и прокладка кабелей, осушение, обводнение...»

Кажется, ясно. Остается обеспечить выполнение данного решения.

И все-таки, думается, дело не в административных мерах. Главный запрет на расхищение лесов, полей, рек — в нас самих. Но для этого надо чаще вспоминать вещи, к которым мы привыкли и потому не замечаем.

Гости из английского графства Дарэм в беседе с костромичами сказали:

— Нам полюбили ваш город на Волге. Но особенно по душе пришлись ваши леса. И знаете, чем? Тем, что эти леса не на замке.

Да, в Советской стране лес не частное владение, как в Англии, а общенародная собственность. Каждый из нас имеет право свободного доступа в любой лес. И мы сполна пользуемся правами, предоставленными нам Конституцией СССР.

Так будем же достойны этих великих прав!

...Мы с Грязевым выходим к кордону Бор.

— Помнится, был у меня тут объездчик Субботин Михаил Иванович, — сказал Евгений Николаевич. — Соревновались они с объездчиком из Иконникова. По двадцати девяти показателям шла битва!

Впереди на взгорке — кордон из бревенчатых построек. Белая лошадь пасется на лугу. Могучие сосны заключили кордон в дружеские объятия. Тишина. И не подумаешь, что всего в двух километрах — шумный, с двухсоттысячным населением город.

Нам здесь рады. Белая лошадь по кличке Вьюга тянется к рюкзaku. Михаил Иванович, сидевший на лавочке на сентябрьском ласковом солнышке, увидел нас издали. Опираясь на палку, пошел навстречу.

Ничто так не сближает людей, как пройденная ими совместно дорога борьбы, труда, лишений. И понятно, почему фронтовик всегда поймет фронтовика, а комсомолец двадцатых — тридцатых годов — своего сверстника. На каждом историческом этапе — свои задачи, свои сложности, и, решая их, люди не шадят себя. Зато в совместной борьбе они обретают второе родство: по духу.

Вот я смотрю на Грязева и Субботина, и мне несущественным кажется различие между ними, хотя один всю жизнь проработал лесничим и главным лесничим, был, так сказать, генералом, а другой — объездчиком. Я вижу перед собой не генерала и солдата, а соратников, единомышленников, хорошо понимающих значение всего, что сделали они для людей, для общего блага.

«15 июня 1967 года.»

Очень рад, что Вы взялись за создание хорошей опытной базы для селекции и семеноводства осины, узорчатой березы и ели. Если каждый из нас осуществит подобную работу — она принесет поль-

зу и современной лесной науке, и лесному хозяйству. В эту работу на таких опытных базах будем втягивать актив специалистов-производственников.

Интересные новости имею я по использованию осины для настилки чистых полов — вроде паркетных. Оказывается, осина скоро должна для этих целей стать такой же ценной, что и дубовый или буковый паркет, и ценнее хвойных (сосны и ели). Поэтому прошу Вас, Сергей Николаевич, собирайте постепенно и постоянно сведения о том, где в костромских деревнях крестьяне и лесники использовали и используют осиновые доски для настилки полов, как они изнашиваются по сравнению с полами из хвойных пород, устойчивы ли к гнили, как долго служат в избах потолки, стены и проч. Я уже добыл в Калужской области очень интересные данные. А в Ленинграде — по инициативе Ленгоссовета — начали успешно делать полы из осиновой рейки в городских жилых домах.

Ваш ЯБЛОКОВ».

«14 августа 1967 года.

Я осмотрел в Ленинграде полы из осины и пришел в восхищение от их качества — они не уступают паркетным полам из дуба и бука и привлекают своей белизной и опрятностью. А ведь оказывается, на настилку чистых полов идет в наше время не менее (или около) 60 процентов всей древесины, которая необходима для постройки современного многоэтажного дома. Вот и представьте себе перспективу использования осиновой древесины в строительстве современных зданий. И добавьте к этому то, что эта древесина кладется в них на многие десятки лет (считаю, что до века целого)... Нужно выявить, где, когда и кем были построены дома из осины, проверить состояние их совместно с представителями местных лесхозов, составить акты на них и сделать фото. Мы уже получили несколько таких актов, и, оказывается, половые доски из осины намного выносливее и прочнее еловых и сосновых. Хорошо, многие десятки лет служат в домах! Подобные акты и Ваше заключение присылайте мне в институт для поддержки начинания ленинградцев, которые хлопочут о том, чтобы применение осиновой рейки для полов было узаконено и отменен запрет Госстроя в этой части. А там, к сожалению, есть немало упорствующих. Эта работа — наш почетный долг, и она должна помочь важной проблеме превращения осины в одну из наиболее ценных древесных пород наших лесов¹.

---

¹ По совету А. С. Яблокова в Костромской области был обобщен опыт применения осины в строительстве. Получены интересные результаты.

Даже в нашем многолесном крае, где не было недостатка в хвойных, из осины раньше строили церкви, жилые дома, бани, парилки, срубы в колодцах.

...Осина становится именинницей, поймите это в виду и не ослабляйте к ней внимания! За нее нам еще придется крепко бороться, чтобы преодолеть упорство бюрократов и малознающих невежд! Дело надо довести до конца, ибо этого от нас требуют интересы Родины и нашего народа».

«5 ноября 1967 года.

Сергей Николаевич, примите все меры к тому, чтобы быстрее опубликовали материал о применении в строительстве жилых домов и других долговечных зданий осинового дерева в Костромской области. Мне стало известно, что Министерство лесной промышленности СССР поручило изучать эти вопросы научно-исследовательскому институту — они его теперь, наверно, растянут лет на пять или десять. Поэтому по освоению народного опыта в прошлом их надо Вам опередить».

«19 июля 1968 года.

Вчера в Ивантеевке в лаборатории генетики закончили в коридоре отделку полов из осинового рейки — покрыли их три раза паркетным лаком, — все говорят, что получилось очень хорошо (лучше, чем на ВДНХ!).

Помещик Ефремов, имея тридцать тысяч десятин хвойного леса, срубил себе в прошлом веке двухэтажный дом из осины, который сохранился до наших дней. — он стоит в селе Михайловцы Пыщугского района. В селе Андреевском Сусанинского района есть церковь из осины, построенная в начале прошлого века.

Изучение народного опыта показало, что осиновые полы служат не менее восьмидесяти лет, срубы — до ста и более лет, кровельная щена — до тридцати лет. А звонница в Ростовском кремле, покрытая „лемехами“ из осины, стоит под этой надежной кровлей с 1683 года.

Долговечность осиновых построек объясняется высокими качествами древесины: осина легка и очень прочна, лучше, чем хвойные, противостоит разрушению домовым грибом.

Сведения из народного опыта были переданы А. С. Яблокову для поддержки новаторского почина главного специалиста „Ленинградоргстроя“ В. В. Бедяева. Эта важная совместная работа способствовала снятию Госстроем запрета на использование осины в строительстве.

В нашей стране при большом жилищном и промышленном строительстве возникла серьезная „проблема пола“. Полов в масштабе страны настилается ежегодно более полутора миллиардов квадратных метров. Даже наши исключительно богатые леса растаяли бы в одно мгновение, если бы мы взялись рубить для паркета дубравы и другие твердолиственные породы.

Выручить может осина. Ленинградские строители, впервые применившие ее в 1967 году для настилки речных полов, доказали это. Их инициативу поддержали другие города. В квартирах ближайшего будущего предусматривается широко применять местные лиственные породы: осину, березу, ольху. Во-первых, они значительно дешевле. Во-вторых, удобнее для жильцов. Ласковы осиновые полы с человеком! Осина легко и хорошо обрабатывается, красится в любые тона, словно хлопчатобумажная ткань. Она легко впитывает полимеры и становится новым строительным материалом, деревом-пластмассой, приобретая дополнительные и сохраняя свои качества.

До сих пор ничего не удалось организовать по производству осинового рейки в Загорском опытном лесхозе института — упорствует директор. В лицо одно, а на деле проводит настоящий саботаж, хотя у него в лесхозе имеется осинников ни много ни мало — 18 тысяч гектаров, из коих больше шести тысяч спелых и приспевающих. И он не знает, куда девать эту древесину, не имеет она у него сбыта, и лесхоз списывает ее „на убытки“. От таких „хозяйственников“ в нашем лесном хозяйстве одни убытки. Вот бы их списать на убытки — тогда и прибыль будет!

Привет семье. Отдыхайте лучше, набирайтесь здоровья и бодрости. Все-таки наше трудное дело все больше начинает признаваться и внедряться в жизнь».

«20 октября 1968 года.

Наконец-то добрался до возможности написать Вам письмо. Не писал потому, что все был в разъездах. За лето побывал в Нальчике и Туапсе, в Латвии и Киргизии.

Читали ли Вы в газете „Правда“ за 12 октября с. г. статью „Золушка или принцесса“? Очень убедительная статья в защиту осины...»

«16 ноября 1968 года.

В Париже недавно была выставка мебели. Финны на ней экспонировали мебель, отделанную карельской березой. Шкаф-гардероб внутри отделан красным деревом, а снаружи — шпоном из карельской березы. Он был продан с аукциона за 23 тысячи франков (Это 2 300 рублей по курсу!). Вот как ценится шпон из карельской березы!

Этим вопросом заинтересовались у нас в Совете Министров РСФСР. Учтите это! Надо создавать в Костромской области семеноводческие плантации из лучших форм узорчатой березы, опытные культуры ее как из семян, так и путем прививок. Поднимите на ноги лесников-костромичей. Неужели мы уступим в этом финнам? А они серьезно и в широких масштабах внедряют культуру карельской березы!...

Когда Вас можно ожидать в Ивантеевке?

Ваш ЯБЛОКОВ».

---

¹ На Всемирной выставке мебели в Париже в 1968 году финны за образцы мебели, отделанной карельской березой, получили все золотые медали. В лесах, пожалуй, не найдется другой древесины, если не считать каповую, которая бы могла сравниться с ней в художественной текстуре. Не случайно, когда в России стали применять карельскую березу для производства мебели, она сразу же приобрела известность. В производстве мебели „позднего ампира“ начался новый важный этап развития, который, к сожалению, не был бесконечен.

Продолжительные рубки карельской березы в течение двух столетий в объеме до

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

Наше повествование было бы неполным, если бы мы не представили хотя бы несколько страничек самому Сергею Николаевичу Багаеву. Вот его слово об учителе.

Он шел, слегка опираясь на палочку, по улице Шагова. Ему хотелось отыскать дом, в котором жил, когда учился в гимназии. Сделать это было нелегко — прошло полвека. Кострома неузнаваемо изменилась. Но вот полукаменный покосившийся дом он все-таки нашел. Правда, узнал его не сразу. Пришлось осматривать даже двор и полуподвальное помещение. Хозяйки дома никто из сегодняшних жильцов, конечно, не помнил. Александр Сергеевич присел на скамейку в глубине двора...

В Костроме многие места для него памятны и дороги. На улице Симаковского, где сейчас высажены его пирамидальные серебристые тополя, в те далекие годы располагалась гимназия. Площадь и набережная Костромы были знакомы ему в деталях. А с костромскими лесами у него давняя дружба. В них он работал и открыл впервые в нашей стране гигантскую осину.

Сейчас Александр Сергеевич Яблоков был на заслуженном отдыхе. Его научные работы получили мировое признание. Некоторые из них стали пособиями для лесоводов братских социалистических стран. Можно бы ему и оставить дела, поправить утраченное с годами здоровье. Но цели у него совсем другие:

полутора тысяч кубометров в год привели к тому, что известные промышленные запасы ее в стране были полностью исчерпаны.

Финны вот уже сорок лет усиленно занимаются ее разведением. Ежегодный объем лесокультурных работ у них по карельской березе определяется тысячами гектаров. Оценивают они ее древесину не кубометрами, а килограммами, приравнивая к стоимости сахара.

В январе 1969 года в Министерстве лесного хозяйства РСФСР состоялось специальное совещание по хозяйственному освоению карельской березы в нашей стране. На совещании присутствовали ученые, работники производства, эксперты Всемирной выставки мебели.

Нашей стране, в связи с ростом народного благосостояния и большим жилищным строительством, ежедневно требуется триста миллионов квадратных метров облицовочного материала. Значительная часть его ввозится из-за границы. Во всех странах мира пока нет полноценных заменителей натуральной художественной текстуры древесины. Она неповторима.

Присутствовавший на этом совещании А. С. Яблоков заявил: „Наша задача — обеспечить условия, чтобы к столетию Советской власти мебель из карельской березы была в каждой квартире“.

Было намечено продолжить изыскания карельской березы в Европейской части СССР, заложить в стране не менее ста тысяч гектаров культур.

Костромских лесоводов обязали в ближайшие годы закончить отбор узорчатой березы в лесах, заложить питомники, создать культуры промышленного значения в своей и соседних областях.

— Не до отдыха! Пока позволяют силы, необходимо помочь осине-Золушке стать принцессой.

Вера в эту лесную породу была у него просто фанатической. Александр Сергеевич неоднократно подчеркивал, что страна может гордиться тем, что в ее лесах растет это чудо-дерево. Чем больше ты его рубишь, тем прочнее его позиции на вырубках. По быстроте роста и механическим свойствам древесины нет равных осине в нашей лесной стороне.

— Иные зарубежные деятели нам завидуют: в наших лесах естественно произрастает осина с исключительной белизны древесины, не содержащей вредных примесей для варки целлюлозы, а мы не ценим этого, ведем с ней нелепую борьбу! — сетовал Яблоков.

В письмах из Ивантеевки он советовал костромичам заняться освоением осинового нева. Александр Сергеевич неоднократно указывал, что пренебрежение к осине как к малоценной породе в нашей стране должно быть изжито, призывал начать работы по превращению лесной Золушки осины в одну из самых нужных и перспективных древесных пород русского леса.

Такая необходимость вполне обоснована. По быстроте роста породу эту можно назвать эвкалиптом Севера. Средний прирост ее насаждений в год составляет десять и более кубометров древесины на одном гектаре — вдвое-втрое больше, чем у хвойных пород.

Научно-техническая революция продемонстрировала нам такие скорости и темпы производства, на фоне которых рост и созревание дерева кажутся мучительно долгими. Перевод хозяйства на осину позволяет сократить сроки выращивания леса и снимать его урожай через тридцать — сорок лет. Причем восстановление вырубок не требует больших затрат и может осуществляться естественным путем — сохранением подростка. Осина — это дар природы.

Наука не только выявила причины заболевания осины, но и нашла способы предупреждения болезни, ее лечения. Они сводятся к формированию в молодом возрасте густого стояния деревьев и периодического, двух-трехкратного, ухода за насаждениями в виде прочисток и изреживаний с одновременной очисткой перспективных стволов от долго не зарастающих мертвых сучьев. Рентабельность этих мероприятий — до двадцати рублей с одного гектара в год. Товарность древостоев резко повышается за счет большого выхода ценных сортов, ускоряется и созревание на десять — пятнадцать лет. Уход за осинной благоприятствует росту поселившейся под ее ногами ели. После рубки осины через сорок — пятьдесят лет поспевают к жатве и ель. Она накапливает такой же запас древесины, как чистые ельники, произрастающие без осины. Только в первом случае мы снимаем два урожая, а во втором — один.

Ведение периодически сменяемого осиново-елового хозяйства на одних и тех же площадях позволяет повысить продуктивность и доходность наших лесов в полтора-два раза.

Дополнительных же средств не требуется. Часть из них, расходуемая ныне лесным хозяйством на уничтожение этой породы, должна быть направлена на ее воспитание.

С костромских лесов было положено Александром Сергеевичем начало воспитания здоровой осины. Потребовалась большая организаторская и разъяснительная работа. Ей в лесном хозяйстве он придавал не меньшее значение, чем движению за сохранение подраста. Тот и другой почины были сделаны костромичами одновременно: один шел под лозунгом „Срубил дерево — посади два“, другой — „Вырастить два кубометра древесины там, где сейчас растет один“.

Осина осваивалась медленно — дело новое, и нужно было еще внимательно присмотреться. В практическом осуществлении мероприятий большую роль сыграла всемерная поддержка новых идей бывшим председателем Костромского совнархоза, затем министром лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР Н. В. Тимофеевым. Цель этих работ была — обеспечить нужды промышленности высококачественным сырьем, в короткий срок создать леспрохозам устойчивую сырьевую базу.

В освоении осинового нивы Александр Сергеевич большие надежды возлагал на производственников. Он настойчиво советовал организовать коллективы энтузиастов-новаторов.

Уход за молодняком осины в последние годы только в нашей Костромской области был осуществлен на шестнадцать тысяч гектаров. Из лесоводов-новаторов, о которых постоянно говорил академик, у которых советовал учиться, следует отметить в Шарьинском лесхозе лесника В. А. Воробьева, лесничих В. А. Волкова, Ю. А. Кулигина, Н. Ф. Пономарева, в Поназыревском — лесничего Л. И. Шумского, в Судиславском — лесничего Н. Ф. Тихомирова, лесника А. В. Назимову, в Островском — лесничих А. Н. Тихомирова, А. Н. Городкова.

Костромская лесная станция обобщила производственный и научный опыт по уходу за осинной, разработала посильные для лесхозов мероприятия. Советы А. С. Яблокова по благораживанию осины начинают претворяться в жизнь.

Однако внедрение научных достижений в производство сдерживается весьма ограниченным использованием осины в промышленности и строительстве.

Мы, лесоводы, должны быть пророками, далеко смотреть в будущее. От сегодняшнего нашего труда зависит судьба обеспече-

ния страны через пятьдесят — сто лет продуктами леса. Мы не имеем права мириться с устаревшими идеями в лесном деле.

В недалеком будущем осина заслуженно получит все права гражданства в нашей лесной индустрии. Страна будет экономить миллионы кубометров хвойной и твердолиственной древесины и освободится от сотен миллионов рублей нерациональных затрат.

Сердце А. С. Яблокова было отдано и селекции березы. Он называл ее северным дубом, и обида за пренебрежение к нашей „лесной россиянке“ у него была не меньшей, чем за осину.

— Привлечь бы к ответственности тех „деятелей“, которые отнесли эту породу в разряд малоценных и негодных! — негодовал он. — А мнение это среди лесоводов, к сожалению, так укоренилось, что хватит ли жизни, чтобы доказать обратное.

Береза, считал он, может не только согреть, защищать и лечить человека, но и повседневно украшать его быт. Для начала академик предлагал в зоне Костромской лесной станции заложить не менее трехсот гектаров плантаций и культур сортовой березы с тем, чтобы при массовом разведении ее изделия из карельской березы через сорок лет были в каждой квартире.

Сегодня можно сказать: половина этого объема работ выполнена. К выращиванию узорчатой березы, отобранной в костромских лесах, в последнее время стали привлекаться лесхозы Кировской, Горьковской, Ивановской и других областей. Семенная база технически ценной березы на Костромской станции уже сейчас позволяет закладывать культуры на площади до ста и более гектаров ежегодно.

Кроме карельской, в наших приволжских лесах выявлены совершенно новые формы — пламенная, волнистая и другие березы, которые могут украсить квартиры советских людей своей неповторимой текстурой.

Высоко ценил ученый и хвойные породы. Он считал перспективными селекционные работы с ними на быстроту роста и качество древесины, организацию рационального семеноводства, выведение сортов отдаленной гибридизацией.

Столь обширная программа рассчитана на десятки лет. В последние годы ведутся исследования формового состава ели, выявляются и отбираются быстрорастущие насаждения, изучаются биологические особенности морфологических типов. Обследован обширный район произрастания этих пород: от Западного Урала до Верхнего Поволжья. Заложены коллекционные участки и географические культуры, выделены новые формы с высокими техническими и резонансовыми качествами древесины.

Отличительной чертой Яблокова как ученого было требование к себе и к своим ученикам оставлять „следы на земле“ в виде новых

сортов, закладки ценных насаждений, плантаций. Требования были жесткими, и выполнять их в конкретных условиях, при отсутствии организованного питомника и экспериментального хозяйства, было нелегко. Все операции, начиная с отбора маточников в лесах, выращивания посадочного материала, закладки и охраны объектов, были на плечах и совести исполнителей темы. Как видно из писем академика, он из года в год и сам занимался прививками, получал всходы, любовно за ними ухаживал и определял выращенные деревца на постоянное местожительство. Таким путем, по крупицам, в течение многих лет создавался под руководством и при непосредственном участии Александра Сергеевича один из лучших в Европе селекционных дендрариев в Ивантеевке.

Дендрарий, подобный Ивантеевке, он призывал создать и под Костромой. Сделаны первые шаги — выделены два участка около Костромы, составлены проекты их озеленения и хозяйственного освоения. Начинается постепенное практическое воплощение замысла. Но к этой работе, помимо лесоводов, надо привлечь и общественность города, в частности школьников.

Александр Сергеевич безгранично любил костромской край. Кострому он называл одним из красивейших городов Поволжья. Чтобы придать ей величественный, нарядный вид, советовал украсить небережную и скверы у Торговых рядов пирамидальными серебристыми тополями.

Тяжелый недуг приковал ученого к постели, но и тогда он жил мечтой — побывать в родных местах, подышать родным воздухом.

— Прекрасна у нас природа, и надо беречь, приумножать ее, — говорил он. И добавлял: — Как встану на ноги, так первая поездка — в Кострому.

Но поездка уже не состоялась...

Я счастлив, что мне многие годы довелось работать под руководством крупнейшего лесовода и селекционера, поддерживать с ним тесную связь, пользоваться его советами, постоянно чувствовать внимание и душевную заботу. Александр Сергеевич вывел меня на нелегкую, тернистую лесную тропу, указал направление и по-отцовски подтолкнул: „Иди!“ Советы учителя: никогда не останавливаться на достигнутом, не искать на стезе науки легкого, проторенного пути, работать с полной отдачей сил на благо нашего общества, — остаются непреложным законом моей жизни.

* * *

Это как в былине про русского богатыря Микулу Селяниновича. Брал Багаев рощу из ста пятидесяти — двухсот берез одной рукой, окунал в бочаг с мартовской водой-снежницей и, прополоскав хорошенько, откладывал в сторону. Потом брал другую рощу, третью, четвертую, пока не выполоскал красные бороды корней у

пятидесяти тысяч костромских узорчатых берез. Не у взрослых деревьев, конечно, — у саженцев.

Само материнское дерево, найденное Сергеем Николаевичем Багаевым в судиславском лесу, больше не существовало. Его срубили при прокладке высоковольтной линии. Помня, какая у березы изумительная по красоте древесина, Багаев не дал дереву исчезнуть бесследно. Он собрал семена и вырастил из них сотню новых деревьев. А они, в свою очередь, дали новое поколение — тысячи саженцев. Поезд Кострома — Киров повезет их на станцию Гастовская Шабалинского района Кировской области, там костромские узорчатые березы будут высажены в хозяйстве, специализирующемся на выращивании пород с художественной текстурой древесины. Пройдут годы, и старинный промысел вятских кустарей получит сырье, которого ему так не хватает.

...Пучки саженцев из рук Сергея Николаевича попадают в руки Маргариты Васильевны Багаевой. Та перекладывает корешки увлажненным сфагновым мхом, завертывает в полиэтиленовую пленку и бережно кладет в мешки. Товар деликатный, живой, да и дался он ох как трудно!

Я смотрю на Багаевых, чернорабочих леса, и думаю: не случайно именно им Александр Сергеевич Яблоков передал эстафету труда своего, надежд своих.

Судайская глубинка

...И снова поездка в Судай, один из посадов, щедро рассыпанных по северу Русской равнины и уходящих историческими корнями своими, славными патриотическими делами — заслугами в седую старину; и вновь — знакомство с его ощутимыми успехами в созидании нового, в улучшении условий жизни местного населения; и, конечно же, встречи с людьми, обстоятельный разговор с ними о ждущих своего решения вопросах, проблемах.

На этот раз собрались у судайских лесозаготовителей. Обычный житейский разговор по душам неожиданно стал острым, принципиальным. Видимо, сказался выбор темы — наше повседневное отношение к природе родного края, необходимость защиты окружающей человека природной среды.

И всплыли в памяти предыдущие поездки в Судай, Кологрив... И пришли раздумья.

I

Семен Семенович Колеватых вызвался показать природу родных судайских мест. Поехали в Фомиловский бор на окраине Судая. Что и говорить, хороши сосны, подпирающие небо своими мощными стволами, хороши солнечные бархатные лужайки, живописна речка Возега, полукругом охватывающая бор... И понятным было настроение Семена Семеновича. Он, казалось, готов был заклю-

чить в объятия всю эту красоту да так и держать ее, не расцепляя рук.

Но радость наша оказалась короткой. Бор кончился, едва успев начаться.

«Зеленая зона, — недоумевал я по возвращении в гостиницу, — нечто круглое, вроде кольца... И в кабинете Семена Семеновича, помнится, на показательной карте обведен красным карандашом именно круг...» Даже запомнились номера лесных кварталов — сорок первый, сорок седьмой, пятьдесят пятый, сорок второй, пятьдесят четвертый.

Решил изучить окрестности Судая поосновательнее. Но с кем поехать?

Пошел к Валентину Павловичу Ершову, директору местной средней школы. Он внимательно выслушал и, хотя был занят чрезмерно — только что начался новый учебный год, согласился. Раздобыли лесовоз, иначе в некоторых местах не проехать, и отправились.

Возвращались, несмотря на лучезарный день бабьего лета, словно с похорон.

...Что бы вы сказали, если бы в парке, знакомом и дорогом вам с детства, пришлое дяди начали валить деревья, опустошая гектар за гектаром?

Конечно, пятьдесят четвертый квартал не европейский парк, детище мастеров-озеленителей, но это прекрасный ландшафтный парк, созданный самой природой. Не случайно он стал любимым местом отдыха судайских жителей. Встретить их здесь можно в любое время года, но особенно в такую вот очаровательную пору ранней осени.

И на сей раз мы повстречали двух женщин с корзинками в руках. Знакомимся. Вера Александровна Джос работает инспектором госстраха. Ее приятельница Валентина Александровна Ельцова — телеграфистка отделения связи.

В глазах женщин — обида.

— Только время понапрасну потеряли, — Вера Александровна Джос кивнула на пустую корзину.

— Какие уж тут грибы-ягоды, когда лесу путного в окрестностях не стало, — вздохнула Валентина Александровна.

Да, как ни удивительно, в Судае — самой что ни на есть лесной глубинке — нет настоящих лесов. Говорят, крепкие молодняки поднялись на месте вырубленных в войну и после войны материковых массивов. Но до этих хороших сосняков, где и гриба, и ягод, по рассказам очевидцев, навалом, ехать и ехать надо.

Стала привычной картина: за ведром клюквы собираются,

как в поход по Заполярью. Отправляются с работы на несколько дней, прощаются с домашними, готовят впрок еду, проверяют на прочность обувь — потому как, сойдя с машины-вездехода на сороковой, а то и на шестидесятой лесной версте, живописный клюквенный десант долго еще будет топтать в направлении чудом сохранившегося ягодника.

Известно, Судай любим ленинградцами, москвичами. Они едут сюда, мирясь с неоднократными пересадками и другими трудностями дальней дороги, едут, хотя возле Судая нет, скажем, ледникового озера, подобного Чухломскому. Магнитом притягивала столичных гостей и все еще притягивает единственная, пожалуй, достопримечательность Судая — лес на расстоянии вытянутой руки, очарование лесной глубинки.

Сейчас Судай лишился ее. И хотя дорога в здешние места круглый год поддерживается в хорошем состоянии (от железнодорожной станции Галич до Чухломы пролегла отличная автострада), желающих провести свой отпуск в бывшей лесной глубинке немного. Традиционный ручеек питерцев, который неутомимо струился все летние месяцы и заметно питал культурную жизнь городка, районного центра в прошлом, так тонок, что, того и гляди, перервется.

Ощутимы и другие потери. Не станем забывать, что для коренного судайского жителя корзина брусники или клюквы не экзотика. При нашей продолжительной, нередко суровой зиме заготовленная впрок лесная ягода — необходимый, а порой и единственный запас витаминов на каждый день.

„Экое дело — корзинка клюквы...“ Но это голос тех, у кого от даров природы ломаются закрома, кто, имея собственную автомашину, на худой случай — мотоцикл с коляской, давно уже обшарил и — не постесняюсь этого выражения — обобрал половину района.

Еще один немаловажный аспект: настроение местного жителя. Нельзя лишать пыщужанина, павинца, мантуровца, красносела того хорошего настроения, которое дарит землякам совершенно бесплатно и бескорыстно родная природа. Ведь для большинства из них субботняя или воскресная прогулка в окрестностях районного городка, прогулка пешком, с корзинкой в руках — это заряд бодрости на целую рабочую неделю.

...У Веры Александровны Джос и Валентины Александровны Ельцовой настроение явно испорчено.

И не только потому, что возвращаются с пустыми корзинами.

Судайцы видят необратимые последствия истребления лесов в пригородной зоне.

— Последнюю ложку воды у реки отнимаем, — сокрушается Джос. Ее тревога перекликается с бережно хранящимися у меня дневниковыми записями, которые вел в свое время кологривский врач Владимир Александрович Макаров:

«...Мною взят под наблюдение участок водоохранной зоны реки Унжи от деревни Шоргутово до Ужуги. Насколько помню, по закону водоохранной зоной объявлен лесной массив до шести километров глубиной и никак уж не менее трех километров. Почему же колхоз „Родина“ отвел под застройку межколхозстроя песчаную высокую гриву, покрытую прекрасным сосновым бором, глубиной всего-то не более километра, в семистах метрах от Унжи?»

Еще при отводе я обратился в горсовет. Секретарь мне ответил: „Это не городская земля, а колхозная“. В площадь отведенного для строительства участка входил глубокий столетний овраг с дном, устланным булыжником и валунами, с берегами, густо обросшими кустарником, большими и малыми елями и соснами. Это был вековой давности естественный защитный сток бурных вешних вод. Бор на отведенном участке вырубил, а также уничтожили растительность оврага у реки и навели — при сегодняшней богатой технике — мост, перегородив овраг завалом леса, землей и булыжником. Вдоль той же гривы леса прорубили дорогу для прохода любых машин.

Результат, как и следовало ожидать, получился плачевный. Бурные весенние воды снесли до основания все это сооружение, мост рухнул, а огромная масса песка была вынесена в низину, к Унже. Свалив ряд сосен, размыв расширился. Теперь сделан новый широкий проруб справа, у границы госфонда. Безусловно, со временем обеспечен новый размыв.

Это меня возмутило до глубины души. Лесная грива — защитная зона не только для реки Унжи, но и для плотно прилегающих к ней полей с другой стороны. Значит, после уничтожения этой лесной зоны неизбежна катастрофа для обеих (реки и пашни)...

Со многими я делился своими грустными размышлениями, но больше встречал равнодушие, не выходящее за рамки сочувствия. Ведь на нас лежит забота о воспитании молодого поколения, о чем немало пишется в газетах, а соблюдать и уважать законы своей Родины — это долг не только каждого гражданина, но и всех организаций. Мы много пишем о браконьерах — охотниках и рыболовах, но, как видно, проходим мимо возмутительных фактов нарушения закона об охране лесов у рек и полей.

Вспомнил Владимира Ильича Ленина, перегруженного ответственной работой в сложной международной обстановке, в годы разрухи, голода и борьбы со всевозможными интервентами —

как чутко и талантливо он умел замечать в окружающей обстановке и срубленную ель, и крайнюю нужду человека.. Любить природу во всем ее неопишемом многообразии — значит понимать прекрасное. Лес хранит почвенную влагу, смягчает климат, останавливает сухие и жаркие ветры, преграждает путь сыпучим пескам, защищает поля, повышает их плодородие. В безлесных местах почва подвергается размывам от талых весенних вод и ливневых дождей, эрозируется, образуя оползни, многолабиринтные овраги. Нет безотрадной зрелища пересыхающих и мелеющих рек, захламленных лесных порубок, гарей, всех пустошей, образовавшихся нередко от нерадивой, невежественной руки человека.

За последние годы в нашем районе уничтожены огромнейшие массивы девственных лесов, и мы стоим на грани полного уничтожения этого ценного дара природы. Когда-то многоводная, Унжа так обмелела, что местами не только мальчишки, но и курица перейдет вброд: всюду перекаты, осыпающиеся берега и плотное дно, покрытое многоэтажным массивом затонувшего топляка...

Советский закон строго охраняет природу, а выполнение его лежит прежде всего на нас, на избранных нами местных руководителях. Будем помнить об этом!»

В Судае особенно не повезло пятьдесят четвертому и пятьдесят пятому лесным кварталам.

Сводят лес, разумеется, „по надобности“. Кто станет спорить: надо развивать подсобное хозяйство предприятий и учреждений, строить те же свинарники. Вопрос, однако, в том, где расположить свинарник. Понятно, что для этой цели подбирают малоценные уголья, в стороне от человеческого жилья. Даже самому ревностному поклоннику Хавроньи Ивановны не придет в голову поселить ее в зоне отдыха человека.

А в Судае — поселили. Для своего масштабного свиноводческого хозяйства леспромхоз облюбовал замечательный ельник в защитной лесополосе, в непосредственной близости от жилых кварталов. И что же? На месте, где шумел темно-хвойный лес, откуда судайцы ведрами несли чернику и прочие дары природы, где резвились белки и пели зорянки, а воздух был полон исцеляющего смоляного аромата, спустя два года образовалась внушительная пустыня. Напоминанием о былой красоте и величии бора стоят зеленые молодые ели, которым бы жить да жить, но у которых — увы! — вся корневая система оголена. Ибо какой спрос с Хавроньи Ивановны?!

Кто станет спорить: полям нужна органика, много органики. Но почему опять-таки свет клином сошелся на защитной полосе?

Негде больше брать торф? Так нет, в бывшем Судайском районе, в отличие от Красносельского или Нерехтского, запасов

органики предостаточно. Семь крупных месторождений отличного низинного торфа. Только Столешниковское месторождение имеет запас в девятьсот тысяч тонн.

Может быть, доставлять торф не на чем? В районной „Сельхозтехнике“ дали справку. Лишь один совхоз „Советская Россия“ располагает сорока девятью мощными тракторами и тридцатью тракторными тележками, не говоря о грузовиках и прочей технике.

Помню, возвращаясь в Кострому, я позвонил в Судай — в совхоз... В трубке — мягкий, деликатный, немножко виноватый голос: — Насчет разорения зеленой зоны вы, конечно, правильно сказали...

Но кто из нас уронит утюг — притом горячий — себе на ногу?

И, сменив тон, на другом конце провода переходят в атаку:

— Вы бы лучше посмотрели, что натворил леспромхоз в соседнем пятьдесят пятом квартале!

Что ж, мы с Валентином Павловичем видели и это.

У южной границы городка, вдоль магистральной дороги на Чухлому и Галич, по правой стороне уничтожен дотла массив гослесфонда, относящийся к лесам первой группы. Случилась беда по весне, в самую распутицу, когда дороги были закрыты. Рассказывают, материковый лес был сведен в считанные дни. На его истребление Судайский лесоучасток бросил все свои наличные силы. Богатырской дружине была придана и соответствующая техника.

Что могла выставить противная сторона? Беззащитная живая природа могла бы — имейся у нее язык — напомнить, как щедра и гостеприимна была по отношению к человеку.

Впрочем, неизвестно: возымело бы это действие? Ибо мастера лесоповала вошли, что называется, в раж.

Многие судайские жители считают, что собака не глубоко зарыта. Возить лес в распутицу издалека плохо, а тут добротная древесина рядом, буквально за калиткой. Ну, и взяли лесок.

Так или иначе — защитную лесную полосу смахнули, древесину сплавляли по Виге, а Судаю подарили еще одну пустошь.

Помню, стоя среди пустыни, возникшей после опустошительного набега лесорубов, мы с Ершовым растерянно смотрели друг на друга. Что же осталось от некогда роскошной зеленой зоны Судай-городка?

Взять сектор, образуемый дорогами на Солигалич и на Чухлому. В ста метрах от речки Возеги расположились свинофермы с «обжитыми» ими обширными территориями. В непосредственной близости — многогектарный лесоповал на месте новых торфяных разработок. Примерно в пятистах метрах на юго-восток — вырубленные десятки гектаров гослесфонда.

На противоположной окраине Судая защитной полосы вообще нет. А она была... На высокой песчаной гриве стояла сосновая роща изумительной красоты.

На восток и смотреть нечего: сплавная река Вига сплошь оголена.

Остается на западе небольшой Фомиловский бор. Впрочем, и на него точат топор заготовители. Свидетельством тому начатая в лесопарке подсочка деревьев.

Да, многого не показал и не рассказал мне, знакомя с природой родных судайских мест, Семен Семенович Колеватых, заместитель председателя райисполкома, он же — председатель районного совета Всероссийского общества охраны природы.

Впрочем, на это были существенные причины.

II

Перелистывая судайский блокнот и восстанавливая в памяти беседу с тамошним начальником лесоучастка, я натолкнулся на его идею — осушить Чухломское озеро и разместить огороды.

Шутка? Только вряд ли.

Слушал начальника лесоучастка и убеждался: понятия „защитная полоса“ для него не существует. Перед собой он ставит вопрос так: годится лес для рубки или нет? Если лес стоящий, то какой еще может быть разговор? Рубить и basta.

Нет, Вениамин Алексеевич не злоумышленник. Просто он смутно представляет, от каких бед следует оберегать родную природу, которую, конечно же, по-своему ценит и любит. Разве что от пожара? Да и то потому, что пожар семьдесят второго года у всех в памяти.

Тем более Вениамину Алексеевичу не приходит в голову, что оберегать природу, те же судайские леса, надо бы в первую очередь... от него самого. И вот почему.

Не перевелись еще люди, которые искренне считают, что, чем больше ломки в природе, тем лучше. Для них олицетворением прогресса служит любое вмешательство в сложный, создававшийся тысячелетиями (подчеркнем — тонкий, хрупкий, островосприимчивый и легкоранимый) природный организм: уничтожение материковых лесов, спрямление рек, осушение естественных накопителей влаги — болот и озер, бесшабашное применение химикатов, коренная — порой до неузнаваемости — перекройка ландшафта и т. д. Дескать, чем больше разрушительных следов человека на земле, чем успешнее опустошается округа, тем современнее, цивилизованнее становится местность. А себя видят не иначе как проводниками технической культуры.

Далеко не благом для природы Верхневолжья, а в конечном счете, для местных жителей обернулось доставшееся нам в наследство от прошлого хрестоматийное представление о здешнем лесном крае. Лес-океан, лес-стихия медведищем навалился на мужика, а тот обороняется — в рукавице держит топорик.

Прочно держится и, судя по всему, не собирается сдавать своих позиций без боя другая, чисто обывательская точка зрения:

— Природа? Ее мно-о-го, на всех хватит! Во всяком случае, я-то свое возьму-у.

Наконец есть люди, по натуре добрейшие, чаще всего горожане, которые живут устаревшими представлениями о разрушительных возможностях механизатора в лесу, на реке, в поле, на болоте, считая эти возможности весьма ограниченными. Они меряют ущерб, причиняемый матери-природе экологически безграмотными, не продуманными до логического конца действиями человека, вооруженного мощнейшей техникой, — старыми мерками, которые ничего общего не имеют с действительностью.

Так думалось — и не без горечи, когда слушал восторженный, иного слова тут не подберешь, рассказ моего судайского собеседника о безграничных, по существу, природоразрушительных возможностях сегодняшнего лесоповала.

— У меня та-а-кая техника... И МАЗы, и КрАЗы, и трелевочные тракторы, и бульдозеры, и сучкорезные машины, и штабелеры... Одних только транспортеров — километра полтора.

И подытожил — рукой наотмашь:

— Топор в лесу себя изжил.

О сводке бора Вениамин Алексеевич повествует охотно:

— Прямо на берегу Виги поставили сучкорезные машины... Сосны раскряжевывали и сбрасывали в реку. У нас хо-ро-шо получалось!

...Что ж, тут личной вины, пожалуй, нет. Биография у Вениамина Алексеевича обычная. Почти с детских лет пристрастился к рубке леса, которого в округе — океан. Пришла на лесосеку техника — пересел на могучий трелевочник, сменил топор на бензопилу и продолжал — теперь удесятенными темпами — валить лес, которого по-прежнему (так еще казалось!) — океан. То же самое делает Пушников и сейчас, сегодня, хотя пилы в руках не держит, хотя, по собственному его признанию, близкому к растерянности, „океан“... исчез.

— За сорок километров лес возим. От самой границы с Вологодской областью.

На улыбочивое лицо собеседника упала тень:

— Встретились наши с вологодскими — оттолкнулись и пошли в разные стороны... По сырым болотинам лес подбираем.

Что ж, всю жизнь человек только тем и занимался, что валил лес. Всю жизнь не выпускал топор из рук. Откуда, спрашивается, тут взяться любви к живому?

В разные годы встречаясь с лесозаготовителями, наталкивался на примеры прямо-таки парадоксальные. Ну, скажем... За долгие годы работы на лесосеке сформировался замечательный труженик, мастер лесоповала, хороший организатор, о чем свидетельствует выдвижение вчерашнего вальщика-тракториста на руководящий пост. Но — по большому счету — новый начальник лесопункта пока не дорос до уровня хозяина вверенной ему родной округи — крупномасштабной территории с ее землями, лесами, водами, многообразным растительным и животным миром.

Не дорос... Тем не менее в руки его вложили лесорубочный арсенал, обращение с которым требует не только специальных технических знаний и навыков, в чем, несомненно, новый руководитель силен, но и экологической грамотности, повышенной экологической ответственности, и сказали:

— Действуй!

И новый начальник лесопункта действует в подопечной округе, как ему заблагорассудится.

А власть его над местной природой неограниченная. Он все может, тем более что в его руках новейшая техника.

Да что там говорить! Он упивается мощью машин, которые поступили в его полное распоряжение, фактической возможностью без труда, играючи, перелицевать любую местность; он правит суд и расправу над всеми этими речками, ручьями, родниками, угодьями и борами, буквально ставя местную флору и фауну на колени.

Значит, пришло время открыть глаза такому лесохозяйственнику на экологические последствия его деятельности в округе, пришло время посадить его за парту экологического всеобуча. И сделать это призваны не только районные и областной советы Всероссийского общества охраны природы, но и объединение „Костромалеспром“, в системе которого появилась специальная служба — защита окружающей природной среды.

Очевидно и другое. Нельзя считать иного лесохозяйственника таким уж наивным младенцем. Экологическим невежеством лишь отчасти можно объяснить столь нередкие для лесной глубинки нарушения закона об охране природы.

Как-никак, он бывает на семинарах и совещаниях, читает газеты, слушает радио, кое-что из правительственных постановлений об охране окружающей природной среды ему известно. Если же, тем не менее, он мало считается с ними, то, значит, чувствует безнаказанность. Значит, есть нечто такое, чем нарушитель, заведомо

зная свою неправоту, заслоняется, как рукой... в боксерской перчатке.

Ничто на белом свете не делается совершенно беспричинно. Вот по ярко зеленеющей озими — будущему хлебу катит напрямик трактор с телегой... В негодовании вы направляетесь к механизатору. Требуете: „Остановись!“ Его положение, казалось бы, безнадежное — пойман с поличным. Но даже и тут тракторист-хулиган находит, что сказать в оправдание.

Объезд, видите ли, далеко. А попробуйте подступиться к нарушителю природоохранного законодательства, когда у того есть возможность прикрыться — как рукой в боксерской перчатке — громкой фразой об интересах предприятия, производства, отрасли? Он чувствует себя не только надежно защищенным от огня любой критики, но и верхом на коне.

Любые нарушения закона о природе можно объяснить и тем самым оправдать производственной необходимостью.

И вот тут я пасую...

Я шел к руководителю-лесохозяйственнику с намерением высказать гору критических замечаний, но не успел и рта открыть, как он на всю мою критику наложил вето: производственная, мол, необходимость. Что бы я потом ни говорил, какие факты ни приводил, все или почти все объяснено, а следовательно, и оправдано находчивым хозяином ведомственного кабинета как производственная необходимость.

Что греха таить, все мы нередко пасуем — школа, общество охраны природы, райгазета, местная общественность — та самая боевитая общественность, которая за сломанное на бульваре деревце готова дойти до Москвы. Стоит нам услышать, что грубейшее нарушение природоохранного законодательства вызвано якобы производственной необходимостью, как буквально замираем, великодушно прощая хозяйственникам и невольные их ошибки, досадные промахи-просчеты, которых, к сожалению, не всегда удастся избежать, и настоящий ведомственный произвол.

Но давайте разберемся: перед чем пасуем?

Перед производственной необходимостью? Так она была, есть и будет. Производственная необходимость — не временное явление, а постоянно действующий фактор социальной жизни. Фактор год от года растущий, усиливающийся. Более того — обостряющийся. Но из этого вовсе не следует, что, работая на день сегодняшний, мы можем позволить себе бездумно лишиться нынешнее и будущее поколения нормальной среды обитания, истощить кладовую природы. Искусство, талант хозяйственника наших дней как раз в том, чтобы, обеспечивая выполнение и перевыполнение текущих планов и заданий, делать это с наименьшим ущербом для

окружающей природной среды, с минимальной тратой ценнейших, в большинстве своем невозобновимых природных ресурсов — земли, воды, леса, атмосферного воздуха, полезных ископаемых, ботанической флоры, фауны и т. д.

Богатый отечественный опыт говорит, что такое — истинно социалистическое — хозяйствование вполне возможно. Пример тому — продуманное, взвешенное, экологически грамотное и умелое обращение с хрупким организмом природы в средней полосе России, в республиках Прибалтики и в других регионах. Там удачно сочетают эффективное природопользование с заботой о здоровье природы, воплощая таким образом в жизнь решения партийного съезда, последующих Пленумов ЦК партии.

Разумеется, дают себя знать издержки промышленного и сельскохозяйственного производства. Издержки немалые. Но, думается, сегодня в основном не от них страдает, а порой и гибнет живая природа.

Корень зла — в оставленной прошлым и крепко еще сидящей в сознании кое-кого из нас психологии временщика. Того самого временщика, который, подобно чеховскому Лопухину, ради сиюминутной практической пользы готов вырубить любой вишневый сад на белом свете.

III

На пути к нижнему складу — островок леса. Это остатки соснового бора, который еще недавно вплотную подходил к Судая с юго-восточной стороны. Своими широкими грязно-серыми руками развезженная колея держит зеленый кусочек за горло... Тяжелая машина с возом хлыстов, вместо того чтобы держаться дороги, сворачивает к бору и — напрямик... Лопаются, подобно спичке в пальцах нервничающего человека, сосенки, вмят в землю старый раскидистый куст шиповника с алеющими плодами, вывернута наизнанку лесная подстилка со всеми ее сокровенными тайнами — грибницей, корешками ягодных растений, лекарственных трав, мхами. Зато путь к нижнему складу для лесовоза стал на пятьдесят, а может быть, и на все сто метров короче. Главное же, не придется возиться с дорогой, приводить ее в порядок: делать подсыпку, выравнивать, укреплять полотно... Чем не производственная необходимость?

Поблизости поселок лесозаготовителей, два-три десятка стандартных домов. А вокруг хоть шаром покати. Оказывается, и тут была своя „необходимость“. Думали, думали, как повысить пожарную боеготовность, и... придумали: на случай возникновения пожара лишим огонь всяческой пищи. И уничтожили растительность подчистую.

Другого способа обеспечить пожарную безопасность поселка искать не стали.

Расширяется гараж. Но расширяется не в сторону пустыря, а совсем наоборот — в сторону великолепного ельника, что оказался, к своему несчастью, соседом механизированного двора. Искусно владея бензопилами, хозяева двора то и дело переносят забор, отодвигают его дальше — в малахитовую глубину ельника.

Что поделаешь? Производственная необходимость.

А уж о таких мелочах, как свалка строительного мусора с отходами железобетона в защитной лесной полосе, и говорить не приходится. Стройка разворачивается, мусор девать некуда. Сам бог велел вывезти его и свалить в местах отдыха односельчан...

Производственная необходимость. Ею все-все можно прикрыть. И нежелание „пораскинуть мозгами“, леность мысли; и экологическое бескультурье, с которым, однако, мы не торопимся расстаться; и неумение по-государственному, мудро, с учетом различных аспектов и возможных последствий, распорядиться природной кладовой; и расточительное отношение к уникальным природным ценностям — нашему национальному достоянию.

Просто диву даюсь, до чего неэкономно расходуют в Судая землю. Поражает широта природы здешних хозяйственников. Предприятия мал мала меньше, но территория, занимаемая ими, под стать площадке большого завода — сто восемь гектаров. Да что завода — ряда крупных промышленных предприятий. Вспомним, в Костроме всего на семидесяти пяти гектарах разместились фанерный комбинат, машиностроительный завод имени Л. Б. Красина, льнокомбинат имени В. И. Ленина, ТЭЦ, фабрика „Знамя труда“.

По-барски „разлегся“ в зеленой зоне Судая лесоучасток. Сорок один гектар отхватил! Это по данным пятнадцатилетней давности — явно устаревшим. В действительности площадь, расходуемая на так называемые производственные цели, куда больше.

Еще более важным представляется такой аспект проблемы — культура использования предприятием земельных угодий.

В лесхозовских документах значится: земля передана лесоучастку „в долгосрочное пользование“. О том, как это выглядит с точки зрения защиты окружающей природной среды, акт областной инспекции рыбоохраны:

«Осуществлена проверка Чухломского леспромхоза по вопросу охраны рек, используемых для лесосплава. Выборочно обследованы участки — длиной от пятидесяти пяти до ста пяти километров — русла Виги, нижние склады Судайского, Слудного и других лесопунктов. На всем протяжении обследованных участков на дне Виги толстым слоем лежат затонувшие бревна. Берега завалены

остатками молевого сплава. Территория нижних складов в крайне неудовлетворительном состоянии... Нижний склад, расположенный в центре Судая, загроможден бревнами и отходами производства — корой, щепой, сучьями, которые должны полностью утилизироваться. На деле этого нет.

О вреде, причиняемом Виге, знают все: нарушаются естественные берега, русло реки, изменяется дно — образуются отмели, перекаты; вследствие длительного нахождения древесины в воде гидрохимический режим Виги изменился в худшую, губительную для рыб и других водных организмов, сторону».

И все же лучше увидеть... Никакими сверхмощными тракторами не растащить эти завалы полусгнивших бревен! Нет костров, что были бы в состоянии поглотить накопившийся с годами производственный мусор. Одна-единственная на огромном пустом пространстве, образовавшемся по берегам Виги, стоит кряжистая сосна. С обрывком ржавого троса на стволе, она режет глаз, ибо видна отовсюду, с любой точки. Сосна служит как бы неоспоримым свидетельским показанием: и здесь, в самом центре Судай-городка, некогда шумел бор, состоявший из таких вот, в полтора обхвата, стволов.

Сейчас в это трудно, почти невозможно поверить — настолько опустошена местность. Обширнейшая территория, именуемая нижним складом, не имеет ни кустика, ни травинки... Дрова. Дрова. Дрова.

Да хотя бы дрова, годящиеся в дело, а то так... дровяное кладбище. А если сказать точнее — кладбище материальных ценностей. Не станем забывать, что из древесного сырья сегодня производят около десяти тысяч видов продукции.

По вине нерадивых лесохозяйственников мы не только лишились многих необходимых в повседневном быту вещей, но и потеряли (в чем убедимся позже) благосклонное отношение к нам природной среды.

Разумеется, нельзя сбрасывать со счета технологию первичной переработки древесины — все еще не совершенную как в плане экономического расходования сырья, так и в природоохранном аспекте. Десятки лет заготовители снимали с тамошних лесов сливки, остальное шло в производственный мусор, загрязнявший окружающую среду. Образно говоря, брали от айсберга лишь его надводную, видимую часть — сам айсберг шел в завалы.

Послушаем, что говорит старейший преподаватель Костромского лесомеханического техникума Константин Николаевич Голятин:

— Я убежден: защита окружающей природной среды должна органически входить в содержание тех учебных дисциплин,

которые мы здесь, в лесомеханическом техникуме, преподаем. Ведь мы готовим технических руководителей среднего звена — завтра они возглавят работу на нижнем складе, лесосеке, сплавной реке, лесовозной дороге и на других участках. Следовательно, кроме общих положений об охране природы, истин общеизвестных, начинающему специалисту необходимы деловые советы, практические рекомендации, конкретные разработки, наиболее приемлемые рабочие схемы.

Для чего? — спросите.

Наше производство — на природе. И — за счет природы. В производственный процесс активно вовлекаются важнейшие компоненты природной среды. Такие, как лес, река, земля, атмосферный воздух, а вместе с ними — растительный и животный мир. Они претерпевают при этом глубокие изменения, и далеко не в лучшую сторону...

На сегодня длина сплавных рек по области все еще составляет более тысячи километров. Только объединение „Костромалеспром“ имеет пятьдесят восемь нижних складов. Нижние склады — крупногабаритное производство. Площадь, которую они занимают, исчисляется многими сотнями гектаров. Как правило, это ценные земли, находящиеся в зеленой зоне городов и поселков, по берегам рек. Мы не говорим уж о густой сети лесовозных дорог, о паутине подъездных путей к нижним складам и т. д.

И разве допустимо, что люди, занятые эксплуатацией леса, а фактически — сложного природного комплекса, до сих пор не имеют практического руководства, как вести производственный процесс с наименьшими потерями для природы данной местности?

...В каком бы долгу перед лесной природой Верхневолжья ни находились авторы применяемой ныне технологии лесозаготовок и переработки древесины, основным должником остается производственник. По той обыкновенной причине, что именно он фактически хозяин технологии, организатор технологического процесса, распорядитель работ... а распорядиться можно по-разному.

Прекрасно знают об этом сами хозяйственники. И хотя иные из них любят говорить в свое оправдание: такова, мол, специфика производства, лес рубят — щепки летят, не в специфике, разумеется, дело. И на рабочем месте лесозаготовителя может быть порядок, культура.

Но для этого, лесоруб, надо думать о людях, которым придется жить в „преображенной“ тобой местности.

И в первую голову обязаны думать директор леспромхоза, главный инженер, начальник лесопункта совместно с инженерами из объединения „Костромалеспром“. Ведь это они привязывают громоздкое лесное производство с его нижними и верхними складами,

подъездными путями, цехами переработки древесины, гаражами и мастерскими к конкретной местности.

Разбивая производственный лагерь, они должны представить себе, как будет выглядеть местность после того, когда уйдут лесозаготовители, особенно если она находится в черте лесного поселка. Хорошо ли тут будет жить людям, удобно ли, уютно ли, не останется ли радующая глаз местность опустошенной, уродливой на многие десятки лет?

Михаил Филиппович Кешенков, директор Чухломского лес-промхоза, по-своему заботится о судайских лесозаготовителях. Строит жилье, магазины... В планах у него — возведение благоустроенного поселка. Очень хорошо!

Но только ли это новоселу надо?

Не в меньшей степени человеку нужна здоровая природа — та же речка, лес, чистый воздух...

Правда, у Михаила Филипповича на сей счет свое мнение. Не без иронии он заявляет:

— Вырубленные нами двадцать шесть гектаров гослесфонда на климат Судая не повлияли.

На климат, пожалуй, да. Зима в Судае раньше не наступила.

Но так ли безобидна сводка растительного покрова в судайской зеленой зоне, как может показаться на первый взгляд?

IV

Что и говорить, лесозаготовители живут обеспеченно. У многих — легковые автомобили, мотоциклы, современная мебель, телевизоры новейших марок. Но так устроен человек: для полного счастья ему нужна, кроме материального достатка, и красота.

И не за десять верст от дома, а буквально у порога.

Вот и ладит судайский житель красоту.

С помощью рубанка да резца прихорашивает подворье. Украшает дом затейливой деревянной резьбой. Подбирает к окнам наличники позамысловатей... Да и сами окна смотрятся оригинально. Они без обычных крестовин-переплетов. Каждое, а бывает окон с дюжину, вроде изящной маленькой витрины.

Хотя тут скорее забота не столько о красоте, сколько о пользе: дневного света и тепла больше. А для северянина это совсем не пустяк.

Иной мастер по дереву, следуя примеру предков-северян, ставит, что называется, на века терем. Любуйтесь, мол, люди!

Но что получается?

Стоит такой дом из русской народной сказки где-нибудь на

возвышении, а кругом — насколько хватит глаз — серые завалы полусгнивших бревен, горы производственного мусора. Не за что взглядом зацепиться — ни деревца, ни кустика... Разве что на горизонте узкая лимонная полоска осеннего леса.

Рукотворной, вышедшей из-под кисти и резца художника-умельца красоты в Судае наберется довольно. Есть улицы, с которых уходить не хочется. Высокие дома-пятитенки в деревянных кружевах, а расписаны красками так... теплой, июльской радугой на земле стоят!

Облагорожен старинный центр. Прежде всего привлекает внимание обелиск из светло-серого мрамора. Он воздвигнут в честь односельчан, павших, защищая Родину, в годы Великой Отечественной войны.

И не только в их честь. Ратная слава Судай-городка, подобно корням могучего дерева, глубоко уходит в национальную почву русской истории.

«Галич, Чухлома, Судай, — читаем в работе „Бывший город Судай Архангельской губернии“ известного исследователя Верхневолжья А. Н. Казаринова, — являлись форпостами Русского государства на его северных рубежах... Судайское укрепление основано было в первой половине царствования Иоанна Грозного... Есть указания о том, что Судай осаждался в 1542, 1543 и 1617 годах...»

На острове, образовавшемся между старым и новым руслами реки Виги, и находилась крепость. Как большинство укреплений того времени, она была с деревянными стенами, от которых следов не сохранилось. Ныне заметны только крутые, искусственно укрепленные берега острова и в некоторых местах следы валов. В сторону к деревне Евсяково располагалась Пушкинская слобода.

Немного воображения, и мы сможем представить обитателей слободы — в васильковых епанчах, зеленых кафтанах, красных камзолах и штанах, вооруженных обыкновенными солдатскими ружьями с тесаками, — мужественных защитников северных рубежей Отечества...

У подножья обелиска — живые цветы. На обширной территории сквера — деревья различных декоративных пород, цветочные клумбы, пестреющие малиновыми головками клевера лужайки, там и здесь — легкие садовые скамейки. Сквер обнесен резной тесовой изгородью.

Вообще людей, любящих свой родной городок и дорожащих его репутацией, не так уж мало. Порядку и культуре обслуживания в здешней скромной гостинице могла бы позавидовать любая районная, а то и городская гостиница с фирменной вывеской. С подлинно русским гостеприимством отнесутся к вам в библио-

теке, Доме культуры, на почте, в магазинах, на автобусной станции, в кафе-столовой.

В сельском Совете рассказали: местная общественность, особенно школьники, молодежь, желая как-то обновить, осовременить древний Судай, сделать его более привлекательным, уютным, часто выходит на субботники. Не жалея сил, мальчишки и девчонки в школьной форме — разумеется, вместе с учителями, — прихорашивают старинный центр: сажают деревца, ведут обрезку кустарника, высаживают в грунт цветочную рассаду, подкашивают траву на газонах, красят скамейки, заборы...

Но тщетно!

Стоит отойти подальше, тем более подняться на взгорок, и... меркнет радость.

Красивым Судай никак не назовешь.

По одной-единственной причине — фон бедный.

Вечным эталоном красоты была и есть природа в ее удивительном многообразии. Не потому ли верхневолжский крестьянин, художник по натуре, селился, как правило, на возвышенных местах — в виду чего-либо вечного. То ли это озеро, под стать Чухломскому, то ли живописная речная долина; то ли широчайшая, богатая тональностью своей панорама лесов, открывающаяся с крутого левого берега Унжи, на котором стоит село Ильинское — панорама, прозванная «ильинской Швейцарией»... И тем самым он дарил и потомкам вечный праздник.

Вспоминаю вохомские села по столбовой дороге на Ветлугу-реку. Бывало, идешь с рюкзаком за плечами — догоняет забрызганный грязью грузовичок. Шофер притормаживает... А ты, благодарно кивнув головой, машешь:

— Поезжа-ай!..

Жалко гонять на машине мимо поэтических вохомских деревень! Их надо пройти пешком, чтобы каждую запомнить в лицо, чтобы на всю твою оставшуюся жизнь запечатлелся в памяти неповторимый облик Севера.

Радостный восторг испытал, помню, и когда в первый раз приехал на родину писателя Сергея Маркова — в Парфеньево, и когда обязанности разъездного корреспондента привели в деревню Калининки под Костромой.

Секрет притягательности верхневолжских сел и деревень прост: рукотворная красота изб и в целом деревенской улицы имеет не менее замечательную зеленую оправу. Действительно, как немислимо представить классическую гоголевскую Диканьку без стерегущих ее осокорей, а донской хутор — без вишневых садов, так по-сиротски, неприкаянно смотрелось бы костромское или ярославское село без черемуховых зарослей в ближнем овраге, зубчато-

го темнохвойного ельника в окрестностях, веселой сосновой рощи на пригорке, старого березового лесопарка с тяжелыми шапками грачных гнезд.

Само собой разумеется: деревенские жители оберегают зеленую оправу своего общего отчего дома. Попробуй-ка занеси топор над вековой липой, над тополем-патриархом — деревня загудит, как расстроенный улей. Ох, и достанется тебе, незадачливый дровосек, на орехи.

Не беднее костромских сел поэзией, а может быть, и побогаче их был Судай. Богаче потому, что ведь это лесная глубинка с ее самобытной внешностью — колоритной таежной природой.

Но сейчас об этом можно только догадываться. Да и то, обладая изрядным воображением.

Кто поверит?! «Судайский уезд... один из самых лесистых уездов в костромском крае. От Чухломы до Судая тридцать девять верст, из коих вторая половина пути — сплошной лес, называемый Софийским волоком...» (А. Казаринов).

Без особой на то надобности лесохозяйственники лишили древнюю Судайскую осаду, которой по природе своей быть неотразимо привлекательной, ее главного очарования — богатых лесных одежд. И обрядили в серый больничный балахон пустошей.

Особенно ощущаешь утрату в такой вот, как сегодня, погожий день «бабьего лета»... Куда это годится? Чтобы отдохнуть душой, надо... покинуть Судай-городок. Отъехать от его окрестностей!

Всего в двух километрах от крепостных валов — многоцветье осенних красок, запах прелого листа, грибной дух, крепкий смоляной аромат сосновой ветки.

Почему же эту самую сосновую ветку мы не сберегли около дома, в котором живем, чтобы сегодня, открыв резное судайское окошко, рукой дотянуться до нее?!

И ведь, по сути, ничего от нас не требовалось — лишь сохранить то, что выросло само по себе, сберечь готовое...

Я вырос на юге. В засушливой степи. И хорошо знаю: недешево дается там живая красота дерева.

А у нас, на Верхней Волге, сама природа создала для человека дивные лесопарки. Из древесных пород у ярославцев и костромичей есть все необходимое, чтобы достойно украсить жилье северянина — строгая, задумчивая ель, жизнерадостная сосна, элегическая береза, воспетые поэтами клен, дуб, липа, тополь, черемуха... Я не говорю уже о редкостном собрании кустарниковых и травянистых растений. Щедрый выбор позволяет нам формировать изумительные по рисунку и тональности лесопарковые зоны наших городов и поселков. Естественно, с помощью архитектора-озеленителя.

Но даже это не суть важно. Важно, по-моему, каждому, кто проживает в северных областях, понять одно.

Ель — не просто елка, из которой получают первоклассный тес, отличную бумагу; не просто елка, которая годится на жаркие дрова, на прочные изгороди... наконец, на витаминный корм скоту, — столь привычное нашему глазу дерево интересно и с эстетической точки зрения. Ель — украшение Верхневолжья. О такой декоративной породе южные озеленители могут только мечтать.

В полной мере осознав это, мы перестанем, наконец, прогонять ель прочь от своего порога, как злодейку. Наоборот, приблизим ее темнохвойный шатер к дому, в котором живем, и тем украсим наш быт. Рачительно, по хозяйски используя в интересах народной экономики спелые еловые леса, мы в то же время научимся беречь живую красоту ели (как, впрочем, и остальных хвойных пород) в не меньшей степени, что и красоту, выходящую из-под талантливых рук мастера-умельца. И уж, конечно, перестанем швырять ее охапками под колеса буксующих автомашин; перестанем оголять опушки и придорожные защитные полосы в предновогодье — оголять разве лишь затем, чтобы наутро загромодить пушистыми молодыми елочками, выброшенными из квартир, коммунальные дворы... Справедливо полагая, что и на Верхней Волге, несмотря на климат, благоприятствующий произрастанию хвойных, от крошечного саженца ели до раскидистой кроны не рукой подать.

Перестав обижать ель, сосну, липу, березу, иву, мы и районных градостроителей научим этому.

Как недалёки порой строители лесных и сельских типовых поселков, действуя, казалось бы, из наилучших намерений, от души желая будущему новоселу добра! Два-три десятка новеньких, с иголки, домиков поставили, клуб, почту, детсад, столовую, магазин, баню возвели, а про самую «малость» — ландшафтный вид поселка, где нашему новоселу жить долгие годы, — забыли. Да если бы просто забыли — с усердием, заслуживающим лучшего применения, навалились на живую красоту окрестностей, свели ее подчистую, выкорчевали с корнем. И вот стоят теперь, озабоченно чешут в затылке. Не помогает даже то, что домики эти ярко раскрашены — ульи на пасеке, да и только!

И невдомек горе-строителям, что, «отодвинув» подальше лес, сделав бульдозерным ножом местность, еще вчера такую выразительную, похожей на блин, они лишили новосела, во имя которого трудились, радости непосредственного общения с природой, возможности любоваться ею — нашего каждодневного праздника.

— Подумаешь, вид из дома на окрестности... Лирика это! — скажет в сердцах иной ценитель колотых балансов.

Нет, не лирика.

Это — настроение человека. Повседневное настроение.

Мы хотим и много делаем для того, чтобы верхневолжская глубинка перестала быть похожей на дом, покинутый хозяевами, чтобы молодежь охотно оставалась жить и трудиться на земле отцов. Значит, пора всем нам усвоить — одним капитальным строительством вопрос не исчерпывается.

Чтобы молодая земледельческая поросль 80-х пустила надежные корни, нужно, разумеется, многое. И не в последнюю очередь — вид из дома на окрестности...

Но оставим судьбу судайских резных теремов, взятых в плен пустошами, в покое. Поговорим о вещах более прозаических.

И в голову не придет кому-либо из судайских жителей напиться в жаркий июльский полдень из Возеги — настолько она завалена всяким хламом. Кажется, со всего района свезли сюда отбегавшие свое резиновые скаты и свалили в живописную речушку, разбросали в беспорядке по зеленым лужайкам низких возеговских берегов...

Вам захотелось посидеть с удочкой у речной воды. Но где приткнуться? Только имея под рукой выносливый бензомотор, можно добраться до места, где лесная речка вновь похожа на себя. Да заодно там выкупаться... Обе протекающие через Судай реки Вига и Возега — не годятся в границах населенного пункта даже для этого.

Но это, так сказать, цветики.

А вот и ягодки.

Я стою у новенького забора. Старался домохозяин — дощечку к дощечке прилаживал, красил... Огораживать было что: дом-пятитенок — свежевыкрашенный, как пасхальное яичко, стоит, сад-огород набит — под завязку. Яблони, вишеник, кусты разные, клубника...

Ладил хозяин забор и не думал, не гадал, наверное, что так получится.

Одним своим углом новая тесовая ограда висит над кручей. Изрядный кусок огорода, увлекая за собой кусты, обрушился из-под забора в реку.

Не исключено, что со временем придется перетаскивать дом на новое место.

И ничем терпящей стихийное бедствие усадьбе не поможешь.

Каждую весну, с приходом из северных лесов большой воды, Вига меняет русло. Сильный майский паводок делает с ним, что хочет, а реке, бедной, не за что зацепиться.

А ведь* крепеж был — в том не приходится сомневаться. Достаточно взглянуть на могучую, но сухую, обезвершиненную,

с обрывком ржавого троса на стволе сосну, одиноко стоящую на берегу.

Говорят, что где-то в верховьях Виги, в прохладных и чистых водах, играет хариус и есть еще омуты, где и дна не достать.

Не знаю. В пределах Судая Вига от паводка до паводка — это широкая грязная канава, берега которой используются как место для свалки мусора.

Так вот обиженная человеком природа может стукнуть своего обидчика совсем с неожиданной стороны.

* * *

Мы богаты.

Только в нашем костромском крае пятьсот десять рек и речек. Потеряй мы десяток из них, не говоря уже об одной-двух, — водный баланс области серьезно не нарушится.

Задача-головоломка, однако, есть. Через тот же Судай-городок протекают две, всего две речки — Вига и Возега. И хотя в области ни много ни мало пятьсот десять рек, Вигу и Возегу не заменить. Они в Судае — единственные.

Нельзя допустить, чтобы речки с негромкими именами бесследно исчезли и по другой причине... Все эти кажущиеся бесчисленными, а в действительности, давно «оприходованные» родники, боры и рощи, холмы и долины, болота и озера ледникового происхождения, как черточки на материнском лице. Они делают каждую пядь родной русской земли неповторимой по своей красоте, обаянию. Это тысячекратно повторенное обаяние и наполняет до краев дорогой нам образ матери-Родины.

Давайте же беречь большое в малом.

Дорога на дачу Островского

I

За полтора часа узкая тропинка вдоль Сендеги вывела меня из глубины щельковских лесов на старинный Заволжский тракт, где-то между Ивашевом и отворотом на Адишево. Я хорошо знаю это гиблое место. Сколько раз во все времена года, направляясь в Щельково и возвращаясь оттуда, проходил — и, случалось, проезжал — с вещмешком за плечами эти несчастные две версты, Адишевскую впадину. Еще минувшей весной можно было наблюдать такую картину. Два комфортабельных московских автобуса, прорвавшиеся на дачу Островского, как именуют в народе усадьбу Щельково, переваливаясь с боку на бок и надсадно воя, ошупью пробирались через ложбину, а высадившиеся по просьбе шоферов пассажиры шли вслед за автобусами, пробираясь кто по обочине, а кто перепрыгивая с булыжника на булыжник через лужи — дело было ранней весной, в апреле, в самую распутицу. И вот несколько дней назад, выйдя из щельковских лесов на большак, я не узнал его... Только что прошел дождь, выглянуло солнце, и заасфальтированная лента живописного Заволжского тракта сверкала, как полноводная река.

А вот и первое интервью.

— Похвалить дорожников можно и нужно... Единственная просьба — побыстрее бы дорогу

приводили в порядок. А то мы, шоферы, измучились.

Водитель тяжелого грузовика, что называется, с ходу врубил скорость.

...Одна за другой стали подкатывать комбинированные дорожные машины с грузом дымящегося асфальта. Подошел автогрейдер. Ожил ночевавший здесь, в лесу, каток... Приехал мастер.

У дорожников начинался обычный рабочий день.

Мастеру Александру Владимировичу Муравьеву тридцать один год. Учится в Костромском автотранспортном техникуме на пятом курсе. Заочно. А работает в Островском дорожном ремонтно-строительном управлении.

Живет Саша в поселке Островское. Женат. Супруга Нина — в конторе кассиром. Есть дочурка Оксана.

С видимым удовольствием мастер знакомит с коллективом, который восстанавливает дорогу.

— Работников у меня не много, но зато старательные. Один к одному.

Виктор Николаевич Артюшин — автогрейдерист. В дорожной системе он с шестьдесят первого года. Трасса Судиславль — Макарьев — его постоянное рабочее место. Как мастера своего дела, Артюшина перебрали сюда, на дорогу к даче Островского. Заслуживают доброго слова моторист катка Николай Григорьевич Стадник, шоферы асфальтовозов Леонид Иванович Солнцев, Николай Николаевич Барышев, Виктор Васильевич Копейкин, Анатолий Николаевич Кудряшов, тракторист Аркадий Греков. На выравнивании полотна после нескольких проходов автогрейдера прилежно трудятся Лидия Александровна Суворова и Валентина Ивановна Груздева.

— Нынче наша задача, — продолжает мастер, — восстановить дорогу до поворота на Щельково.

К даче Островского будет дорога! И дорога надежная.

Чтобы укрепить полотно, строители делают основательную подсыпку гравием и щебнем. Уплотняют гравий катками. Затем подгрунтовка — проезжую часть поливают битумом или мазутом. И только потом укладывают асфальтобетонную смесь.

Там, где лег асфальт, грейдером прокопаны водоотводные каналы. Вынутым грунтом подсыпаны обочины.

По условиям рельефа трасса очень сложная. Виражи, горы — Малоберезовская, Вахраковская — перед Акуловом. Чтобы под воздействием ливневых потоков и внутренних вод они не разрушались, рассказывал мастер, покрыли их мощным слоем гравия. Асфальтировать такую крутизну ни в коем случае нельзя. Даже при незначительном гололеде ни одна машина не сможет ни подняться, ни спуститься.

Как говорят, береженого бог бережет. Водитель асфальтовоза, на котором добираюсь до райцентра Островское, Анатолий Николаевич Кудряшов то и дело притормаживает: навстречу несутся по асфальтированной ленте шоссе моторизованные туристы. Привыкшие к мысли, что на дороге, выложенной булыжником еще при царе Горохе, старайся ни старайся — не разгонишься, местные владельцы «Жигулей» и «Нив», забыв про здравый смысл, ведут себя, как мальчишки-лихачи... И правильно поступила госавтоинспекция, незамедлительно, вслед за дорожниками, поставив предупредительные знаки.

Безопасность движения становится проблемой. Ведь с улучшением качества покрытия параметры Заволжского тракта остались прежними — ширина проезжей части всего шесть метров... Обилие поворотов. Крутые спуски, подъемы.

Так что крепче за баранку держись, шофер.

II

Думалось еще вот о чем. Конечно, трудно было добираться «в гости к А. Н. Островскому» по разбитой вдрызг каменке. Но народная тропа в Щельково не заросла.

В последнее пятилетие ежегодно усадьбу-заповедник посещали двадцать три — двадцать пять тысяч человек. Это немало, совсем немало! Во сто крат возросла нагрузка на каждую заповедную тропинку.

Но дело не только в этом... Мы привозим чародею русского языка, автору репертуара национального русского театра свою любовь, ласку. К сожалению, выражается она порой довольно прозаично — к подножию памятника А. Н. Островского возлагается копка из цветов, собранных тут же, в усадьбе. Вряд ли обрадовался бы букету-копне с заветных полей гостеприимный хозяин Щелькова... Обоснованна обеспокоенность и даже тревога научных сотрудников музея: заповедная территория крайне мала, а пресс туризма, особенно моторизованного, все с большей силой давит на хрупкую щельковскую природу — остатки после всем памятного пожара в тысяча девятьсот семьдесят втором году боров по реке Мере, долины Куекши и Сендеги, окрестности близлежащих деревень, сам мемориальный парк. Из дюжины маршрутов, предлагаемых заповедником своим гостям для пеших прогулок, пожалуй, не выбрать такой, который бы не пострадал серьезно в последние годы. А что будет теперь, когда, съехав с оживленной магистрали «Золотого кольца», в считанные минуты можно докатить до усадьбы Островского? Не станет ли щельковская земля поистине бойким местом? И, безусловно, прав дорожный мастер Алек-

сандр Муравьев, когда тревожится: «За нами — поток машин. Радоваться бы надо — едут к нашему Островскому в гости. Да вот запятая... Не унесут ли они на колесах всю щельковскую природу?»

Действительно, с завершением асфальтирования дороги поток автомашин к даче Островского увеличится многократно. Моторизованных «диких» туристов, вне всякого сомнения, будет множество. Музею-заповеднику практически придется работать в новых условиях. Готов ли он к этому?

Забегая вперед, скажу: по возвращении в Кострому позвонил Трифону Геннадьевичу Манке, директору заповедника. Как мне показалось, Трифон Геннадьевич не разделяет беспокойства за судьбу щельковской природы. Более того, он настроен оптимистически. Единственное пожелание, которое адресовал Т. Г. Манке строителям-дорожникам, — заасфальтировать поляну возле Новой деревни, у въезда в усадьбу.

Мечту о лесной поляне, покрытой... асфальтом, можно, думаю, оспорить. Вряд ли стоит отбирать у Щелькова на веки вечные очаровательную в любое время года поляну, по соседству с Ярильной долиной и Голубым ключом, поляну, помнящую Островского. Тем более, в этом нет необходимости. И подходящее для автобусной стоянки место отыщется при желании, и, чтобы не буксовали автобусы, вполне хватит одного самосвала гравия... Тут не надо копировать, скажем, село Константиново на Рязанщине, где перед домом Сергея Есенина вместо цветущего луга — обширнейшая плешь асфальта.

Т. Г. Манке говорит:

— У нас возле Новой деревни надежный шлагбаум... Принимать экскурсии будем только по договорам. Музей не принимает и не станет принимать так называемых «диких» туристов! Ни одного «дикого» моторизованного туриста не пропустим на территорию усадьбы.

Все это так. Допустим, ни одна «неорганизованная» машина не прорвется к дому-музею, ни один лист не упадет с вековых лип парка.

Но что такое Щельково без его окрестностей? Повторимся: заповедная территория мала — двести гектаров с небольшим. Не случайно многие щельковские маршруты пролегают за пределами усадьбы, что исторически оправдано — именно большое Щельково, всеми корнями своими связанное с жизнью А. Н. Островского, служило ему творческой мастерской. Испокоин веку Рыжевка и Высоково, Угольское и Сергеево, Лобаново и Покровское образуют вместе с усадьбой великого драматурга прекрасное нерасторжимое целое, вдохновенно воспетое художником слова в

литературных произведениях, в письмах к друзьям, в дневниковых записях.

Не грех, если мы вновь перечитаем одно из этих восторженных высказываний.

«Я начинаю привыкать к деревне; я обошел почти все окрестности, познакомился кой с кем из мужиков, видел крестьянский праздник, — писал Александр Николаевич своим друзьям 10 мая 1848 года. — И все это хорошо, а лучше всего природа. Что за реки, что за горы, что за леса! У нас все реки текут в оврагах — так высоко это место. Наш дом стоит на высокой горе, побольше нашей Воробинской, а есть места, например, деревня наша Сергеево, откуда наш дом кажется в яме, а эта деревня в четырех верстах от нас на север. На юг от нас есть, верстах в пяти, деревня Высоково, из той виден почти весь Кинешемский уезд. У этой деревни течет Мера — что это за удивительная река! Если бы этот уезд был подле Москвы или Петербурга, он бы давно превратился в бесконечный парк, его бы сравнивали с лучшими местами Швейцарии и Италии...»

Что станет с прекрасным нерасторжимым целым — большим Щельковым, если не принять каких-то специальных природоохранных мер?

III

Сразу поставим все точки над «и». Речь сегодня идет не о том, чтобы за счет прирезки пахотных, сенокосных и прочих угодий колхозов имени А. Н. Островского и «Русь Советская» расширить площадь заповедника, хотя в будущем наверняка жизнь выдвинет проблему на первый план. Ныне необходимо на землях, принадлежащих этим двум хозяйствам, но входящим в единый природный щельковский комплекс, ввести статус охраняемых территорий — с вытекающими отсюда ограничениями и, возможно, отдельными запретами при хозяйственном освоении угодий. Одновременно следует сосредоточиться на массовой разъяснительной работе среди населения и прежде всего трактористов, шоферов, связистов, работников мелноративной, агрохимической, лесозаготовительной, дорожной служб, потому что легкоранимый мир природы фактически находится в их руках, вооруженных «зубастой» современной техникой. Они вольны казнить или миловать все эти ручьи и речки, леса и рощи, луга и поляны... А возглавить разъяснительную работу призваны местные сельские Советы — Марковский, Адищевский, Ивашевский.

Ведь что получается? Музей-заповедник за границами дачи Островского властью не располагает. Там — иные хозяева. Сплошь и рядом они забывают о том, что государство доверило им не

обычную землицу, измеряемую гектарами, а землю Александра Николаевича Островского, национальный парк страны, имеющий особые заслуги перед отечественной культурой. Об этом вежливо напоминают врытые в землю в разных концах большого Щелькова резные тесовые столбы — на них указаны номера ставших широко известными маршрутов, названы «деревни Островского». К сожалению, на знаки, призывающие нас беречь мемориальную землю, давно уже никто, кроме туристов, не обращает внимания. И местные жители, и руководители-хозяйственники зачастую игнорируют само существование большого Щелькова.

Примеры? Начнем, казалось бы, с самого безобидного занятия — ловли рыбешки... Разве плохо местному жителю или щельковскому гостю провести рыбацкую зорьку в местах, где ловил рыбу (это подтверждают дневниковые записи) Александр Николаевич Островский. Как говорят, ловись, рыба, большая и маленькая. Но когда Сендегу четыре-пять раз за лето пройдут с мелкоячеистыми саками в руках отцы (а вместе с ними и дети-школьники) из Маркова, Покровского, Адищева, Василева, речушка оказывается процеженной сквозь марлю в несколько слоев. После «отцов и детей» не улыбнется тебе, человек с удочкой, рыбацкое счастье.

Переправляясь через Сендегу возле Старой мельницы, по весне не раз встречал браконьеров. Среди бела дня стоят себе с острогами под мостом... А что творится на Мере, особенно в сухое лето, когда можно проехать и в Рыжевку, и в любое другое место! Машин на берегу... впору открывать пост ГАИ! Выбирают рыбешку всяческими, чаще всего недозволенными способами. Если у вас нет с собой рыболовной снасти, отправляйтесь на Меру: там выловите и крючки любых размеров с леской, и все прочее. Разумеется, коли сами не попадетесь на крючок.

Промыслового значения щельковские реки не имеют: рыбоохрана сюда нос не кажет. Твори, выдумывай, пробуй, браконьер. Да сопутствует тебе удача!

А главное, чем занимаются люди на берегу, это жгут костры. Да не просто костры — кострищи, куда бросают не валежник, а сосновый и еловый подрост. Благо топор под рукой.

Круча над знаменитой Крынкой, где, кстати, стоит один из вычурных столбов, уже облысела. А на противоположном берегу Меры насколько хватит глаз — пожарище. Вот так же пожаловали из Кинешмы джентльмены удачи, развели костер в полнеба и бросили его непотушенным. И сгорел Зачарованный лес с голубым мхом...

У этого древнего соснового бора на высоком берегу Меры был выдающийся «послужной» список. Бор помнил Островского, кото-

рый любил здесь рыбачить. Его рисовали известные художники, изучали ботаники. Зачарованный лес запечатлен в киносказке «Снегурочка».

Как-то придя в Рыжевку, мы с писателем Эдуардом Шимом переправились на Замерскую сторону и увидели маршрутный столб с надписью «Зачарованный лес. Маршрут № 13». От него и начинался лес-горельник. Чем-то он напоминал лунный ландшафт. Полусгоревшие древние сосны с голыми корявыми ветвями... кое-где березки в колено... елочки с человеческий башмак... ржавые пятна кукушкина льна, но больше всего мертвого белого песка.

Сохранились канавки, которыми пытались отрезать путь яростному огню, спасая бор... В тот черный день жарко горела просмоленная толстая кора, вспыхивали шатры сухих веток, живьем сгорала молодая хвоя. Как свеча, горела и толстая вековая подушка мха. Голубого, сказочного.

Именно голубой мох и был главным чудом старинного бора: даже в яркий солнечный день казалось, что лес залит мягким лунным светом.

Теперь вместо пушистого голубого ковра, в котором тонули ноги, а там и сям виднелись крепыши боровики с темными шляпками, — черный древесный уголь вперемешку с песком.

Шим обратил мое внимание на подпочку. Готовится вырубка полуживых древних сосен... И будет на высоком берегу Меры пустыня.

— Что нашли, Эдуард Юрьевич? — спрашиваю у поднявшего какой-то предмет Шима.

— Коробок спичек, услужливо оставленный доброхотами... Возьму на память.

Со вздохом облегчения мы покинули Зачарованный лес.

IV

Мера — удивительная река, по словам Островского. Она течет в овраге. Но это такой мощный и красивый разлом земной тверди, что невольно ахнешь от восторга, когда увидишь его впервые, особенно у Крынки. На дне разлома и течет тихая живописная река. А по берегам — заливные пойменные луга, травы по грудь.

Шим то и дело наклоняется к цветущим травам... Ему, знатоку травянистых растений, любопытно — богатейший ботанический набор. Складывалось растительное сообщество веками — вот бы сохранить пойму в качестве ботанического заказника.

Но когда видишь, сколько разорительных стойбищ на прекрасных лугах по Мере, какие шрамы среди луговых цветов оставляют

автомашины, невольно начинаешь сомневаться в том, что пойму еще можно сберечь. Разумеется, если не принимать срочных мер по ее защите.

Разорение природы на Мере здесь никого не удивляет. «Круглый год пальба в наших лесах, — рассказывал пастух Худяковской фермы колхоза „Русь Советская“ Валерий Андреевич Дубов. — Не позавидуешь утчке, которая на осеннем пролете вздумает отдохнуть на здешних озерах — ее тут же достанет выстрелом браконьер. А если нет дичи, палят по дятлам, кукушкам, дроздам, совам, чибисам... Нет здесь ни объездчиков, ни егерей, ни лесников». Ему вторил Борис Сергеевич Васильев, смотритель маленького приюта для отдыхающих в Рыжевке: «С поймы можно брать замечательное луговое сено... По документам, земля принадлежит колхозу „Русь Советская“, но до нее у хозяев руки не доходят».

Помню, как писатель Шим, поворачивая с ребра на ребро коробок спичек — единственное, что можно было унести из Зачарованного леса, недоуменно пожимал плечами...

С одной стороны, земля, до которой «у хозяев руки не доходят», полная бесконтрольность в природопользовании, ведущая к порче и гибели леса, отличных пойменных лугов, наконец, самой реки. С другой — бурное хозяйственное освоение угодий, непосредственно окружающих заповедник. Впечатление такое, будто колхозы имени А. Н. Островского и «Русь Советская» открыли для себя в Щелькове некую «малую целину», за счет освоения которой можно серьезно поправить свои дела, решить все внутривладельческие проблемы. Что ж, кое-какие из вопросов, хотя бы частично, удастся решить. Но какой ценой? Утратой земли Островского.

Ведь нынешняя — поистине богатерская — техника позволяет перекроить любой ландшафт, до неузнаваемости изменить лицо местности.

Конечно, природа в Щелькове не исчезнет... Но чего она будет стоить, если даже отдаленно не будет напоминать природу времен Островского?

Вместо того, чтобы грамотно, с высокой отдачей, вести дело на огромных площадях (у колхоза «Русь Советская» ни много ни мало, 4 675 гектаров пашни, а всего сельхозугодий 6 086 гектаров — это в тридцать раз больше, чем территория заповедника), оба хозяйства, что называется, приналегли на уголья вокруг усадьбы. Их не останавливает даже то, что мемориальный парк, дом А. Н. Островского не имеют с севера и запада буферной зоны.

И з с п р а в к и: территория заповедника неправильной, несколько вытянутой с юга на север конфигурации. На севере и западе граница открыта — к ней примыкают поля колхоза имени А. Н. Островского.

Существенно подчеркнуть и другое. Никто не возражает против хозяйственного освоения большого Щелькова. Но освоение освоению рознь.

Минувшим летом, в июне, обработали ядохимикатами ячменное поле напротив литературно-театрального музея. И поле-то ...с ладонь, и урожай с него взяли мизерный, а ядохимикатов вылили столько, что и по сей день, несмотря на проливные дожди, возле литературно-театрального музея не продохнуть. Обработку вели с вертолета при сильнейших северо-восточных ветрах, когда вообще запрещаются какие-либо химобработки.

Ветры дули на мемориальный парк... Разве могли не пострадать многоярусные древесные насаждения парка, розарий вокруг памятника великому русскому драматургу, цветники возле дома-музея, если от ячменного поля они в десятке шагов?

Вот и стоят мемориальные березы обугленные.

V

Щельково всегда славилось своими птичьими голосами. Но звучат они год от года слабее и слабее... Редко, к примеру, теперь услышишь песню жаворонка.

И — не без причины. Бездумно разрушается хозяйственниками (и нашим братом-туристом) привычная среда обитания зверей, птиц, насекомых.

Можно отмахнуться... Проблема, дескать, повсеместная.

Но вот как по-умному подошли к ней в пушкинском Михайловском.

Рассказывает Семен Степанович Гейченко:

«...А заселение наших лесов зверьем, птицей и всякой живностью началось давным-давно, когда еще в сороковых годах на месте руин и пепелища приступил я сажать кусты и деревья, цветы и травы, разводить птиц и зверей. Потом сдружился с ними. Многое понял, чего раньше не знал. На моих глазах молодые ели и сосны, липы и вязы стали пожилыми, и мне кажется, что я наконец понял, какими мог видеть их Пушкин. Мне стал ближе пушкинский мир природы с ее птицами и зверями, понятнее стали „дольней лозы прозябанье“ и „незаменные три песни“ соловья...»

Изучая птичье царство Михайловского, я много думал о животворной его роли в жизни Пушкина... Правда, Пушкин в своем творчестве ни разу не упомянул многих здешних пичуг, которые всегда были у него на глазах. Мы не встречаем ни трясогузки, ни снегиря, нет дятла, жаворонка, поползня, клеста, свистели, овсянки, зяблика, лазоревки, пеночки, славки, горихвостки и многих других птиц. Но ведь не мог же Пушкин не слышать их соль-

ных концертов, их хорошего пения! Став „пророком“, он научился слышать душу всего сущего на земле...

Живя в Михайловском анахоретом, Пушкин не мог не видеть и не слышать того, что видим и слышим мы, обретающиеся здесь сегодня. А мы видим и слышим, как живут, поют, наблюдают за нами горлица, дрозд, скворец, зорянка, ласточка, славка...»

Когда по окончании войны Пушкинский заповедник стал возрождаться, стали восстанавливать в нем и мир птиц: было построено около тысячи самых разных, простых и затейливых, птичьих домиков и кормушек. Птицы быстро поняли заботу о них и при весенних перелетах в северные края стали останавливаться в Михайловском, гнездиться здесь.

А что в Щельковке?

Буквально за спиной отлитого в бронзе Островского начиналась межа — обиталище певчей птицы, шмелей, пчел, муравьев. Узенькая полоска всегда пестреющей цветами луговой целины, с большими и малыми березами, строго вела на север, в долину Сендеги. Одно из самых поэтичных мест рядом с домом великого драматурга — межа — запечатлено во многих кинофильмах, посвященных Щельковскому заповеднику. Межа «перекочевывает» из одного художественного фотоальбома в другой... И вот.

Приехали марковские трактористы. По распоряжению агронома «облагородили» пейзаж вблизи усадьбы, так сказать, осовременив его.

Распахали луговину... Выкорчевали кусты с их обитателями... В общем, сделали местность похожей на блин.

Зачем, спрашивается. Разве мало в колхозе угодий, действительно нуждающихся в мелиорации?

Теперь щельковские гости ходят на Стрелку, любимое место А. Н. Островского, вкруговую — наезженным большаком, то и дело шарахаясь от проносящихся автомашин.

Бойко стучит топор в окрестностях заповедника. Рубят лес различные хозяйственные организации. Под разными предлогами... Но итог один: подчистую сводятся наиболее ценные древостой — сосна и ель. Особенно громко стучит топор со стороны Заволжска. Лесорубы, можно сказать, обложили заповедник. Уже рубится Кордон, описанный Островским в пьесе «Бойкое место».

Где были сосняки, ельники — сплошные вырубки. Береза, едва поднявшись, тут же попадает под бензопилу — на дрова местным жителям.

Леса захламлины порубочными остатками. Там, где еще восемь—десять лет назад были туристские тропы, пролегли хозяйственные дороги шириной с грузовик или трактор. Десятки дорог во всех направлениях пересекают лесные кварталы. И, видимо, никому

нет дела до этого. Во всяком случае, вы не встретите каких-либо предупреждающих знаков.

Что же останется на месте щельковских лесов? Соловьиные рощи? Только вряд ли станет селиться соловей в этих рощах... Соловей, по характеристике Семена Степановича Гейченко, — птица малая, нежная, не любящая людской суеты и грязных отходов человеческой жизни: мазута, ржавого железа, разной тухлятины. А вокруг Щельковского заповедника — изобилие свалок. Самые крупные из них... на мемориальном Субботинском лугу и по лесной опушке напротив литературно-театрального музея.

VI

Давно пора во имя сохранения мемориального природного комплекса распространить режим охраняемой территории на окрестности музея-усадьбы. Надо прекратить варварское истребление живности в щельковских лесах и реках; вырубку ценных древесных массивов в непосредственной близости от дачи Островского; явное злоупотребление арборицидами при обработке полей колхозов имени А. Н. Островского и «Русь Советская», окаймляющих государственный заповедник «Щельково», бездумное уничтожение лугов и полей тяжелыми тракторами и машинами; недопустимые на заповедной территории спрямление рек, сводку растительности, распашку лугов и другие мелиоративные работы.

И медлить с принятием природоохранных мер нельзя.

Доктор филологических наук, писатель Владимир Лакшин: — ... Двадцать четвертый раз приезжаю в Щельково и вижу, как год от года убывает природа. Надо сберечь прекрасные щельковские окрестности! Пора взять их под надежную защиту советского природоохранного законодательства.

Неразменное богатство костромской земли не только Музей-усадьба Щельково, но и весь окрестный край, владения Берендея и Снегурочки, окружающие усадьбу.

Островский называл эти места «костромской Швейцарией», говорил, что и в итальянских Альпах не встречал таких диковин природы. Высоково, Сергеево, Угольское и другие ближайшие деревни связаны с памятью о великом драматурге. Его живые шаги помнят окрестные леса, поляны, овраги, берега рек.

Нет никакого сомнения, что вся эта часть костромской земли в XXI веке получит статус национального парка. Но уже в наши дни необходимо расширить границы заповедной зоны, принять меры по сохранению уникального ландшафта, строжайшей охране лесов, вод, растений и животных в бассейне рек Кукешки, Сендеги и Меры.

Задумаемся об этом, пока не поздно!

У костромичей есть достойные примеры того, как надо выполнять закон об охране природы. Большую работу осуществила общественность области по организации заповедника «Кологривский лес». Самое непосредственное и активное участие в решении судьбы уникальных кологривских ельников — единственного на европейском континенте массива тайги, дошедшего до нас в первозданном виде, — приняли областной комитет партии и облисполком. И хотя решить проблему было далеко не просто, Кологривский заповедник создан, живет, работает на благо отечественной науки. Ученые Академии наук СССР ведут в «седой» тайге времен Бориса Годунова ценный научный поиск.

А всего по нашей области выявлены и взяты под защиту общественности более ста пятидесяти так называемых памятников природы — озер, рек, дубрав, парков — вплоть до отдельных деревьев-долгожителей. И только земля Островского все еще открыта для разрушительных ветров нашего технического века, можно сказать, со всех четырех сторон.

Дело чести костромичей — сберечь для будущих поколений природу, воспетую Александром Николаевичем Островским. С чего начать? Думается, коллективу щельковцев прежде всего необходимо провести изыскательскую работу на местности, наметив границы будущего ландшафтного заповедника по Куекше, Сендеге, Мере и продумав комплекс природоохранных мер применительно к большому Щелькову. А затем, очевидно, следует войти с соответствующими предложениями (разумеется, всесторонне обосновав их) в Министерство культуры СССР.

О судьбе земли Островского обязаны позаботиться не только непосредственные хранители мемориальных ценностей, но и Всероссийское театральное общество, в чьем ведении находится государственный музей-заповедник, и Островский районный, Костромской областной советы Всероссийского общества охраны природы, и бюро путешествий и экскурсий. Безусловно, свой посильный вклад могла бы внести и Костромская писательская организация.

VII

Где-то перед Волкоушей машины мчатся уже по новой трассе, в объезд поселка Островское. Такая прямая, как стрела, дорога должна была насквозь прорезать щельковские леса и выйти на Заволжск. Слава богу, что этого не произошло.

Ведь по первоначальному проекту трасса шла по совершенно новому направлению. Если сейчас, рассказывал начальник дорожного ремонтно-строительного управления Л. И. Кустов, мы ведем капитальный ремонт с устройством асфальтобетонного покрытия

стоимостью двадцать тысяч рублей за километр, то цена одного километра новой дороги выразилась бы в пределах восьмидесяти тысяч рублей. Кроме того, пришлось бы строить два железобетонных моста — через Меру и Сендегу. А мосты обходятся государству очень дорого. Таким образом, экономия средств многократная. И экономия времени на строительство — тоже.

А старая дорога (участками ее строили еще до революции) надежная, она при современном ремонте и уходе может служить долго.

Но есть, помимо государственных средств, и другая важная сторона.

Дорого бы обошлась новая автомагистраль Шельковскому музею-заповеднику! Она отхватила бы сорок гектаров пашни и шестьдесят гектаров леса. Да какого леса!.. Предстояло вырубить остатки боров по красавице Мере (дорога намечалась рядом с Рыжевкой).

А потом, дорогой читатель, как ни велик соблазн промчатся с ветерком по новой автостраде, куда интереснее путешествовать по дороге, имеющей мемориальную ценность. Известно, что Александр Николаевич именно по булыжной каменке, раньше называвшейся Галичским трактом, впервые — через Кострому — приехал в Шельково.

Года два назад мне впервые довелось побывать в пушкинском Михайловском.

Думается, секрет обаяния заповедника вот в чем.

Трогательно заботятся местные жители о живых голосах природы, о том, чтобы на Луговке повсюду — в окрестных дубравах и борах, на озере, в поле да и в самой деревне — щебетало, чирикало, куковало, крякало, пищало, чуфыкало, ворковало, ухало...

А это — ой как непросто. В год по пушкинскому проселку проходит около миллиона человек.

...Всякий раз, подходя к Луговке, я заставал одну и ту же картину.

Из деревни по узкому скотопрогону между избами вытягивалось в луга стадо... Незлобивые деревенские псы, с которыми, как я лично убедился, совсем нетрудно сойтись, оглашали окрестности веселым лаем... Пасущаяся на берегу стреноженная лошадь поднимала голову и, вздрагивая темными от ночной сырости боками, глубоко вздыхала...

Но вся моя радость — еще впереди.

Мои дикие утки — целы. Все — до одной. И, кажется, никуда не собираются улетать. Хотя на дворе поздняя осень.

Я стоял, обласканный этим тихим и скромным торжеством утра — мягким свечением крон дубов и кленов, не успевших

сбросить листву, живыми голосами Михайловских рощ... И возникало ответное чувство благодарности к людям, которые не позволили временщику (не перевелись среди нас еще такие) растащить — по кусочку, по травинке, свести к нулю пушкинскую, живую красоту Луговки. Более того — всячески приумножающим ее.

Дикие утки есть и у нас, под Костромой — на многочисленных речках, впадающих в Волгу, на озерах. Есть они, конечно, и в Щелькове — на Сендеге, Мере.

Но чтобы вот так, как в Михайловском, — рукой дотянуться...

Впервые разглядел северную утку как следует — оказывается, она с белым ошейником. И где же? В Пушкинских Горах, на пруду, что в центре оживленного города.

А у нас?.. Скажем, на Сендеге...

Разве что поможет случай?

Да и то надо встать ни свет ни заря или дожидаться позднего, почти сумеречного вечера. Днем утка не подает малейших признаков жизни.

Но если и посчастливится — спугнешь, увидишь, то разве что в паре. И уж никак — не колонией.

Сбившись в стаи, вольные птицы летят над щельковскими горами и долами высоко. Так высоко, что дай бог разглядеть в бинокль.

Объясняется это просто — бьем мы их жестоко, бьем так, что только пух и перья летят... Не знаю, как другие, а я испытываю неловкость, даже стыд, когда на Островской автобусной станции вижу молодых людей с ружьями и собаками — так называемых охотников. Хочется подойти к ним и по-дружески напомнить, что значит Щельково для русского человека. Кстати — и о том, какой век на дворе. Пожалуй, лишь в заповедниках и могут — птица ли, зверь ли — прийти в себя после назойливого внимания нашего брата, обожателя природы.

Почти уверен: после откровенного задушевного разговора кое-кто из них критически взглянул бы на свое охотничье прошлое, а может, и поменял бы ружье на... фоторужье.

Уму непостижимо... находятся артисты, писатели, которые, отправляясь в гости в Александру Николаевичу Островскому, прихватывают ружьецо новейшего образца, дабы отвести душу в заповедных рощах.

Что ж, было время, когда дичь водилась здесь в изобилии, когда Островский, восхищаясь красотой и богатством щельковских окрестностей, мог написать в своем дневнике:

2 мая 1848 года. «... Нынче поутру ходили осматривать места для дичи. Места удивительные. Дичи пропасть. Щельково мне

вчера не показалось, вероятно, потому, что я построил себе прежде в воображении свое Щельково. Сегодня я рассмотрел его, и настоящее Щельково настолько лучше воображаемого, насколько природа лучше мечты.

10 мая. «... Рыбы и дичи здесь пропасть. К нам поминутно несут то аршинных шук, которая стоит двугривенный, то рябчика или утку, что стоит 20 копеек ассигнациями...»

В самом деле, где, как не в Щелькове, водиться той же утке? Места лесные, болотистые, озерной и речной воды предостаточно, глушь...

Увы, сегодня остается нам разве что «жечь порох»...Щельковская кладовка изрядно опустела. Нашими общими стараниями.

Михайловское — как небо от земли — отличается... Но почему? Люди ведь везде люди. Кому не охота побаловаться ружьишком, особенно вот в такую пору — в разгаре охотничий сезон?

Тем не менее... с утра до вечера пропадая в Михайловских рощах, я не слышал ни одного выстрела!

— И не услышите, — сказал Орлов — житель деревни Бугрово, — шагавший впереди, когда я спросил об этом. — Разве у кого-нибудь из наших поднимется рука на Пушкина?

Валентин Иванович сделал выразительный жест, давая понять, что и лес, и живность, и голубая нитка Сороти, и озера Маленец, Кучане, и самый воздух Михайловского безраздельно принадлежат ему — Александру Сергеевичу Пушкину. А если быть точным — **нашей памяти о Пушкине.**

А потом, — помолчав, добавил он, — вы, конечно, обратили внимание на любовь местных жителей ко всему живому. Лошадь, к примеру, у нас ценят больше, чем иную замысловатую железку... И не повезет михайловский житель пару молочных бидонов на тракторе — с радостью запряжет Савраску.

— Вообще, наверное, успели заметить: на Псковщине любят живность. В каждом дворе ульи, коровы, овцы, лошади, куры, гуси, само собой, собака, кошка. Рады здесь любому живому побегу. Сады в семьдесят восьмом вымерзли — до единой яблоньки восстановили.

Орлов вздохнул:

— Этому тоже есть своя причина... За тишину без ружейного выстрела, зеленый цвет земли заплачено дорогой ценой.

И сказал, будто выдохнул:

— Война! Здесь была война.

Содержание

3	От автора
5	Ледниковая капля
14	Письма из Ивантеевки
59	Судайская глубинка
80	Дорога на дачу Островского

Н. С. Голоднов

**ПЯТЬ
РОДНОЙ
ЗЕМЛИ**

Редактор
Б. В. Гусев
Художник-оформитель
В. П. Иванов
Художественный редактор
Н. Н. Миролюбов
Технический редактор
Т. Н. Яковлева
Корректор
А. А. Антонова

ИБ № 1120

Сдано в набор 6.12.88. Подписано в печать
28.04.89. АК01116. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага
типогр. № 1. Гарнитура литературная. Печать
офсетная. Усл. кр. отт. 6,48. Усл. п. л. 5,58.
Уч.-изд. л. 5,88. Тираж 3000. Заказ 1009.
Цена 25коп.

Верхне-Волжское книжное издательство
Государственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
150000, г. Ярославль, ул. Трехолева, 12.

Типография № 2 Госкомиздата РСФСР,
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

25 коп.

ЯРОСЛАВЛЬ
ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1989